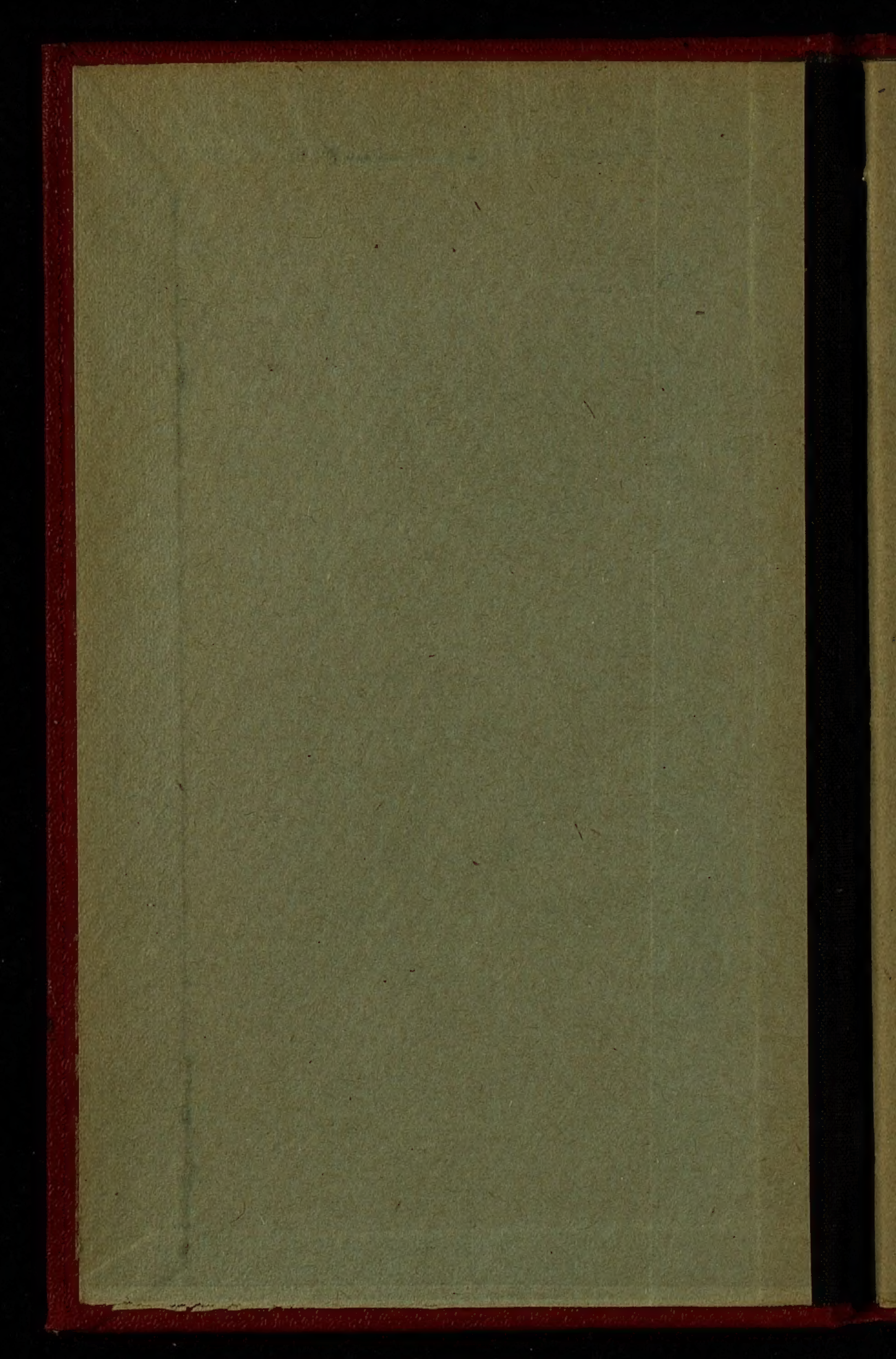
Надеждин

О либерализме вообще и о дебютах г. Струве в частности

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЦА60
Н179

Изданіе Революціонно-Соціалистической группы «СВОБОДА».

Л. НАДЕЖДИНЪ.

О либерализмѣ вообще и о дебютахъ гг. Струве въ частности.

„*Раздѣлиша ризы моя и объ иматисмѣ моемъ меташа жребій*“.

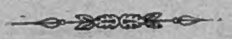
Изъ свящ. писанія.

„*Жаловати холопей нашихъ вольны есмя, а и казнити жъ вольны есмя*“.

Слова Ивана Грознаго.

„*Общественно-политическій реализмъ, навѣрное, не исчезъ совершенно въ его міровоззрѣніи: онъ лишь испыталъ окончательное буржуазное перерожденіе... Это любопытная страничка изъ исторіи общественной мысли въ Россіи, весьма поучительная съ точки зрѣнія общественной психологіи*“.

П. Струве. „На разныя темы“, 119.

Цѣна 45 сантимовъ.

1903

Типографія „Свободы“.

Отдѣльный оттискъ изъ брошюры „Возрожденіе революціонизма въ Россіи“ (во 2-мъ изд.)

О ЛИБЕРАЛИЗМѢ ВООБЩЕ И О ДЕБЮТАХЪ Гг. СТРУВЕ ВЪ ЧАСТНОСТИ.

Эта статья написана сейчасъ же послѣ появленія 1-го № „Освобожденія“, но въ печать мы смогли ее сдать только теперь, когда уже вышло 15 №№ органа, редактируемаго г-мъ Струве. Не имѣя времени пополнить нашу аргументацію новыми цитатами изъ „Освобожденія“ и дѣлая это только кое-гдѣ — мы выпускаемъ статью такъ, какъ она была написана. Впрочемъ, яблочки упали какъ разъ возлѣ той яблони, которая выращена въ 1 № „Освобожденія“; въ послѣдующихъ №№ мы находимъ въ сущности лишь варіаціи на основныя темы, новые любопытные образчики умѣренности и аккуратности, еще и еще приготовленія къ метанію жребія объ иматисмѣ пролетаріата... Все то же и въ томъ же подрядческо-камергерскомъ духѣ, берущемъ лишь немногими тонами выше, чѣмъ алчущіе „дѣйствительныхъ статскихъ свободъ и генералъ-маіорскихъ вольностей“... Развѣ изрѣдка, въ разрѣзъ со всѣмъ хоромъ и какъ напоминаніе о чемъ то другомъ, прозвучитъ радикальная нота, и не прозвучитъ даже, а—мы позволимъ себѣ выразиться — блеснетъ звукомъ, и сейчасъ же ее смѣнятъ шопотъ, ропотъ, тихое дыханіе либеральной земской оппозиціи... Но какъ ни скроменъ земецъ не только на дѣлѣ, но и въ протестующемъ словѣ, — г. Струве ухитряется побить рекордъ даже и въ области земской „скромности“: его собственныя писанія берутъ еще октавой ниже, чѣмъ голоса земщины... Только князь Мещерскій могъ заподозрить „Освобожденіе“ въ „ультралиберализмѣ“... Писанія г. Струве въ связи съ земской оппозиціей намъ часто напоминаютъ высвистываніе перепеловъ: г. Струве, чтобы скликнуть земцевъ, пускаетъ въ ходъ самый умѣренный, самый тихій свистъ, который пришелся бы по душѣ и наиболѣе пугливой перепелкѣ... Велика цѣна той оппозиціи, которая соберется на этотъ свистъ!...

Л. Н.

* * *

Возьмемъ 1 № либеральнаго органа „Освобожденіе“, редактируемаго пере...селенцемъ изъ соціальдемократическаго лагеря г. Петромъ Струве. Этотъ № чрезвычайно ярко и выпукло даетъ намъ понятіе о характерѣ либеральныхъ теченій, ихъ программѣ и вожделѣніяхъ *).

„У культуры — пишетъ въ редакціонной статьѣ г. П. Струве — спрашиваютъ свидѣтельство о политической благонадежности. Точно культура можетъ дать гарантіи холопскаго духа, отказаться отъ свободнаго выбора цѣлей и путей! Такъ какъ это невозможно, такъ какъ внѣ свободы широкое развитіе культуры не мыслимо, то ее всячески урѣзываютъ и искажаютъ. Множество, неисчислимое множество культурныхъ силъ выбрасывается, подъ кличкой неблагонадежныхъ, за бортъ, и это въ то время, когда вся русская жизнь вопіетъ о культурѣ и свѣтѣ. Ради чего! Ради охраненія существующаго государственнаго порядка, сущность котораго заключается въ безправіи личности и общества.“

Борьба съ русскимъ деспотическимъ правительствомъ за культуру — это давно уже стоитъ очередной задачей и передъ нашей промышленной буржуазіей, и передъ аграріями, ибо расцвѣтъ капиталистическаго хозяйства никакъ не можетъ мириться съ азіатскими формами правленія, доводящими народъ до пауперизма и отсутствія всякой энергіи и инціативы.

За культуру! — этимъ девизомъ руководятся и земскіе землевладѣльцы, и купецъ Крестовниковъ, пишущій докладныя записки о поднятіи крестьянскаго благосостоянія во имя благъ своего свѣчного завода, и мелкая буржуазія, которая никакъ не можетъ упрочить себѣ твердаго положенія при всеобщемъ раззорѣ народа.

Однимъ лишь „дикимъ помѣщикамъ“ да бонвиванамъ индустріи, которые въ грюндерствѣ срываютъ всѣ цвѣты удовольствія, самодержавіе не стоитъ постоянной помѣхой на пути, но именно потому, что это не путь развитія, а набѣгъ пиратовъ на жизнь. Ничто не нуждается въ такой относительной законности, въ такой кристаллизаціи (опять же относительныхъ) нормъ и правъ, какъ развитіе капиталистической промышленности: весь постро-

---

*) Отъ сущности мыслей, высказанныхъ нами въ отдѣлѣ о либеральной буржуазіи, (стр. 39-45 „Возрожденія“), мы не отказываемся и теперь; но всѣ обстоятельства складываются такимъ образомъ, что о либералахъ нужно говорить сейчасъ совсѣмъ инымъ языкомъ и обращать вниманіе не на тѣ стороны дѣла, на которыя обратили мы.

енный на несправедливости и беззаконіи буржуазный міръ, поскольку дѣло касается *существа вещей*, относитъ справедливость и законность въ область недосягаемыхъ абсолютовъ, метафизики, благородной утопіи, но въ *отношеніяхъ между вещами* онъ, въ интересахъ „порядка", поскольку только позволяютъ его противорѣчія, всегда стремится провести и „справедливость" и „законность". И, конечно, нѣтъ ничего естественнѣе, какъ видѣть идеологовъ буржуазіи ратующими „за культуру!" „за правопорядокъ!" „за свободу!"...

Пока Кавеньякъ придетъ усмирять, а Гизо и Тьеръ править, и прежде чѣмъ на поле битвы выступитъ самоотверженная Жиронда, нѣтъ даже прежде, чѣмъ Сіэсъ заявитъ прямо и просто, что буржуазія есть все — до этого необходимо (по всѣмъ условіямъ русской жизни), чтобы выдвинулись сначала именно такіе идеологи ея, какъ г. Струве. Пѣвцомъ и выразителемъ буржуазіи онъ выступаетъ уже не впервые — перемѣнена mise en scène, но сущность его произведеній все время одна и та же. Бросимъ бѣглый взглядъ на г. Струве—на „коллективнаго г. Струве."*)

Въ 1897 году г. Струве написалъ любопытную статью „Г. Чичеринъ и его обращеніе къ прошлому". Между прочимъ, онъ здѣсь говоритъ, что „въ эпохи разложенія до-капиталистическихъ экономическихъ отношеній умѣренный либерализмъ почти всегда долженъ воспринимать въ себя посторонніе элементы".

> „Нѣмецкій либерализмъ 40-хъ гг. — иллюстрируетъ г-нъ Струве свою мысль — имѣлъ сильную соціальную окраску, отличаясь ею отъ рѣзко выраженнаго буржуазнаго либерализма Франціи; въ Россіи послѣдовательный экономическій либерализмъ, хотя и появился въ началѣ 60-хъ гг. на время, но быстро исчезъ, и за симъ со второй половины 60-хъ гг. начался процессъ взаимоприспособленія либерализма и народничества, закончившійся лишь въ 80-хъ гг. И то, и другое явленіе — какъ въ Германіи, такъ и въ Россіи — объясняется критическимъ характеромъ данной эпохи въ экономическомъ отношеніи и недостаточно опредѣлившейся дифференціацией общественной среды. Въ обоихъ случаяхъ буржуазный экономическій или, такъ называемый, чистый либерализмъ не удовлетворялъ потребностямъ ни одной изъ крупныхъ общественныхъ группъ, границы между которыми въ то же время сливались. Неопредѣленная, окрашенная соціалистическими тенденціями, идеологія, находившая себѣ откликъ въ массѣ интеллигенціи, гораздо болѣе — несмотря на всю свою неопредѣленность, а, пожалуй, отчасти, благодаря ей — соотвѣтство-

---

*) „Коллективный г. Адамовичъ" — такъ выразился г. Струве въ статьѣ „Противъ ортодоксальной нетерпимости".

вала требованіямъ времени, чѣмъ стройная система умѣреннаго либерализма съ рѣзко буржуазной окраской".

Въ силу такого рода условій „чистый либерализмъ", не имѣя возможности получить отдѣльный видъ на жительство, долженъ былъ ассимилировать себѣ „нѣкоторые существенные элементы народническаго и катедерсоціалистическаго воззрѣнія на экономическія отношенія", и это стало для него до такой степени общеобязательнымъ, что напр., г. Чичеринъ, который „въ своихъ экономическихъ воззрѣніяхъ пребылъ твердъ въ вѣрѣ Бастіа и Молинари", „являетъ любопытное зрѣлище едва ли не единственнаго въ Россіи теоретика-манчестерца".

Такъ обстояло дѣло въ 60-80 годы — литературная копія, снятая г-номъ Струве, несомнѣнно вѣрна житейскому подлиннику. Дальнѣйшее развитіе этого подлинника, конечно, должно было сохранить много типическихъ чертъ, отмѣченныхъ г-номъ Струве. „Эпоха разложенія до-капиталистическихъ экономическихъ отношеній" вступила въ новую фазу, чашки историческихъ вѣсовъ, на которыхъ лежалъ старый умирающій міръ и задатки новыхъ распускающихся отношеній, окончательно потеряли равновѣсіе, капитализмъ со всѣми сопутствующими ему явленіями внѣдрился въ русскую жизнь, но на занимающейся зарѣ новой русской исторіи буржуазный либерализмъ не могъ еще выступить въ „чистомъ" видѣ, не вбирая въ себя „постороннихъ элементовъ". Для этого нужно еще было окрѣпнуть, рѣзче сформулироваться самой жизни, рельефнѣе установить разнородность новыхъ силъ — и тогда только идеологія буржуазіи можетъ выступить подъ своей собственной фирмой. Пока же буржуазный либерализмъ долженъ былъ „ассимилировать себѣ нѣкоторые существенные элементы" соціальдемократизма, пришедшаго на смѣну народничеству вмѣстѣ съ новой эпохой. Былъ заключенъ „союзъ съ ортодоксіей", начался процессъ „взаимоприспособленія" буржуазнаго либерализма и соціальдемократизма въ легальной печати. Союзъ этотъ, конечно, былъ заключенъ вполнѣ искренно, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей фальсифицировать „посторонніе элементы", идеологи буржуазіи даже и не признавали себя таковыми (т. е. идеологами буржуазіи) и во всемъ, что они дѣлали, во всей драпировкѣ въ соціализмъ не находили ничего „посторонняго" для себя, имъ казалось, что это какъ разъ ихъ собственное міровоззрѣніе. Такъ казалось и имъ самимъ, и тому слою просвѣщенной буржуазіи, которая охотно культивировала въ своихъ салонахъ „марксизмъ". Наивные соціалисты-революціонеры, обладающіе тонкимъ музыкальнымъ слухомъ и чуткіе ко всякимъ мелодіямъ, но не способные понимать сущность явленій, — весьма облюбовали терминъ „недоношенный соціалистъ": либералъ это—соціалистъ-недоносокъ! Всѣ построенія соціализма, всѣ концепціи по Марксу, которыми пользовались и очень усиленно идеологи буржуазіи, конечно, и

въ малой мѣрѣ не дѣлали ихъ соціалистами (да и нельзя быть въ „малой“ или „большей“ степени соціалистами!) и какъ бы долго не вынашивались ими „посторонніе элементы“, хоть бы періодъ слоновой беременности, все равно постороннее при столкновеніи съ жизнью должно было оказаться постороннимъ, а, слѣдовательно, и не нужнымъ, а чѣмъ дальше, все болѣе и болѣе вреднымъ.

Г. Струве, впрочемъ, свидѣтельствуетъ („На разныя темы“, стр. 301), что еще съ самаго начала у него были разныя „критическія сомнѣнія“, „ереси“, „многіе изъ ортодоксальныхъ марксистовъ“ (только относительно „многихъ“ мы сомнѣваемся) еще въ 1894 году находили у него „выразительное доказательство“ „буржуазности образа мыслей“ *). Несомнѣнно это такъ и было, и это маскировалось не только тѣмъ обстоятельствомъ, что натискъ на народничество мѣшалъ видѣть все остальное, а главнымъ образомъ тяжелой новью работы при исключительно темныхъ и больныхъ условіяхъ, завѣщанныхъ недавнимъ прошлымъ; это мѣшало и революціоннымъ дѣятелямъ, и молодежи подмѣтить, что въ нашемъ лагерѣ, подъ нашимъ флагомъ работаетъ и другое, совершенно особенное теченіе. Коллективный г. Струве и свои тенденціи, и свои „сомнѣнія“, въ основѣ все тѣ же, что и теперь („сомнѣнія“ только теперь превратились въ увѣренность), выводилъ въ люди въ соціальдемократическомъ убранствѣ, и туалетъ былъ настолько тщателенъ и отличался настолько выдержанной стильностью, что всюду и вездѣ „встрѣчали по одежкѣ“...

Отъ этой эпохи у насъ, соціальдемократовъ, остались, конечно, и свѣтлыя воспоминанія, но ни однимъ изъ нихъ мы не обязаны союзу съ буржуазной демократіей — все, что есть свѣтлаго, это *вопреки* ей, *несмотря* на нее. Въ своей статьѣ о цюрихскомъ конгрессѣ, въ которой — какъ онъ выразился недавно („На разныя темы“, стр. 302) — онъ „въ совершенно категорической формѣ свелъ счеты съ Verelendungstheorie и Zusammenbruchstheorie“ — г. Струве говоритъ, что соціальдемократы „совершенно разучились бояться испортить и скомпрометировать себя союзомъ съ „реакціонерами“, потому что сами стали силой, и притомъ силой растущей, и поэтому „болѣе сильное направленіе“ „взяло другое на буксиръ“ (Ib., 418). Не совсѣмъ такъ обстояло дѣло и въ Цюрихѣ въ 1897 году на „международномъ конгрессѣ по вопросамъ законодательной охраны рабочихъ“ и, можетъ быть, „Бебель и аббатъ Дайнсъ, Адлеръ и судья Кулеманъ, Либкнехтъ и профессоръ Бекъ“ были „одинаково удовлетворены конгрессомъ“, но оцѣнивали его и вмѣстѣ съ тѣмъ

*) „Я никогда не былъ правовѣрнымъ ученикомъ Маркса, но еще очень недавно чувствовалъ себя гораздо ближе къ марксистамъ, чѣмъ теперь. Я избѣгалъ называть себя марксистомъ, но общественное мнѣніе признало меня таковымъ, и я не протестовалъ противъ этого“, — пишетъ г. Туганъ-Барановскій въ предисловіи къ „Очеркамъ новѣйшей исторіи политической экономіи“.

цѣнность своего удовлетворенія съ совершенно различныхъ и несравнимыхъ точекъ зрѣнія. Но дѣло не въ этомъ — мы вспомнили слова г-на Струве въ связи съ нашимъ „конгрессомъ“ въ легальной литературѣ. Здѣсь „болѣе сильнымъ“ оказалось направленіе буржуазное, союзъ съ нимъ очень мало принесъ намъ „удовлетворенія“. Скомпрометировать себя ничѣмъ не скомпрометировали соціальдемократы (въ цѣломъ; отдѣльныхъ типовъ, которые, живя съ волками, выли по волчьи — было достаточно), но, во первыхъ, та литература, которая не была сожжена правительствомъ, та книга, которая не „пропала“, ближе подходили къ тону „союзниковъ“, чѣмъ къ задушевнымъ мыслямъ авторовъ, а, во вторыхъ, — и это главное — соціальдемократическое слово все время проходило сквозь буржуазный фильтръ. Буржуазный духъ оболгалъ марксизмъ, онъ высасывалъ изъ него всѣ живые соки, онъ постоянно, отрекаясь отъ идолопоклонства передъ капитализмомъ, въ то же время аранжировалъ музыку для буржуазіи и только допускалъ въ свое либретто рабочаго, онъ съ неуклонной послѣдовательностью то явно, то яко тать въ нощи, отовсюду, со всего свѣта собиралъ всякія сокровища „критики“, проносилъ ихъ въ русскую литературу и медленнымъ ядомъ, зачастую тѣмъ страшнымъ aqua toffana, который не имѣетъ никакихъ видимыхъ примѣтъ, безъ запаха, безъ цвѣта, безъ вкуса отравлялъ молодежь...

Еще добромъ должны мы помянуть
Тогдашнюю литературу!
У ней была задача какъ нибудь
Намекомъ натолкнуть на честный путь
Къ развитію способную натуру...

—эти слова, говоримъ, должны быть отнесены далеко и далеко не ко всей литературѣ, присвоившей себѣ крестное имя марксизма, но только къ небольшой струѣ ея, потомъ цѣликомъ перелившейся въ нелегальную прессу... Въ легальной печати поле битвы осталось за псевдо-марксизмомъ, за продуктами разложенія буржуазныхъ доктринъ, и легальные журналы сѣютъ щедрой рукой „сомнѣнія“, „критику“, преподносятъ своимъ читателямъ жалкій отстой жидкихъ соціальреформаторскихъ взглядовъ и кликушествуютъ насчетъ туманной дали и безбрежныхъ, ни на одномъ языкѣ невнятныхъ идеаловъ... Вредъ такой „пропаганды“ очевиденъ самъ по себѣ. Съ этимъ зломъ намъ придется еще считаться съ большимъ убыткомъ для себя очень долго — пока не будетъ свободы печати, когда нашу мысль ничто не будетъ заслонять, уродовать, мѣшать ея популяризаціи...

* *
*

„Союзъ съ ортодоксами“ долженъ былъ быстро распасться, какъ только начался новый темпъ жизненныхъ отношеній. Начался онъ открытымъ и могучимъ выступленіемъ пролетаріата въ роли по-

литическаго борца. Водвореніе капитализма провело рѣзкую грань между старымъ и новымъ, активныя выраженія рабочаго класса прочеркнули эту грань, какъ демаркаціонную. Подъ вліяніемъ революціонныхъ движеній на низахъ, гулко отзывавшихся все выше и выше, въ самыхъ различныхъ сферахъ, „практическій разумъ“ буржуазныхъ слоевъ сталъ входить въ свои полныя права, въ подобающую ему колею. Столкновенія съ очень опредѣленной дѣйствительностью, необходимость дать себѣ отчетъ въ своемъ собственномъ порядкѣ дня при народныхъ волненіяхъ смели всякое „доктринерство“, основательнѣйшимъ образомъ размежевали „бредни и мечты“ отъ „трезвенныхъ словъ“ и „мудраго опыта“, очень многое изъ вчерашняго сейчасъ же было признано „псевдонаучнымъ знаніемъ“ и „суевѣріемъ“. Даже въ качествѣ цвѣтовъ краснорѣчія, въ качествѣ ничему не вредящаго, но мило украшающаго брилліантина совершенно незачѣмъ было оставлять соціальдемократизмъ (иногда вредны и запахъ цвѣтовъ, и лишній блескъ!), и налетъ его сталъ столь же быстро улетучиваться, какъ прежде быстро осѣдалъ... „Взаимоприспособленіе“ кончилось, кончилось по отношенію къ соціальдемократизму; для практики такого процесса понадобилось нѣчто другое, болѣе далекое отъ „мечты“ и „бреденъ“, совсѣмъ близкое къ „дѣлу“, къ возможности „реформъ“, которыми овеществились бы сила и права буржуазіи. Ближе всего, удобнѣе всего въ этомъ направленіи явился земскій фонъ: тутъ и нѣкоторыя условія для „естественной“ организаціи оппозиціонныхъ элементовъ, тутъ и поприще намѣтить кругъ необходимыхъ реформъ. Это еще не то, что надо буржуазіи, здѣсь она и не можетъ сказаться, и не сказывается полной гаммой, здѣсь ея и либерализмъ, и радикализмъ всегда будетъ носить (въ связи съ землевладѣльческимъ характеромъ земствъ) опять таки примѣсь „посторонних элементовъ“, но это — на первый разъ, это первый шагъ *въ родномъ гнѣздѣ* по пути самостоятельнаго развитія безъ ассимилированія въ себѣ чуждыхъ элементовъ...

Итакъ, —

На мѣстѣ, закиданномъ нынѣ пескомъ,
Обросшемъ густою осокой,
Что гнется порою подъ вашимъ весломъ,
Стоялъ прежде городъ высокой.
Онъ Свитеземъ звался: тутъ храбрыхъ людей
И дѣвъ было красныхъ не мало.
То было владѣнье Тугановъ князей,
И долго оно процвѣтало.
Вы видите: озера блескъ тутъ закрытъ
Лѣсами по цѣлой границѣ;
Лѣсовъ этихъ не было: прямо былъ видъ
Къ тогдашней литовской столицѣ.
Однажды могучая русская рать

Пришла, осадила Мендога.
Мендогъ устоитъ ли? чего ему ждать?
Пошла по Литвѣ всей тревога.
Къ отцу моему онъ писалъ: „Помоги!
Жду войско я съ дальней границы.
Туганъ, отъ тебя — это знаютъ враги —
Зависитъ спасенье столицы".
Туганъ, прочитавши письмо, далъ приказъ
По войску въ кругу приближенныхъ,
И быстро въ пять тысячъ дружина сошлась
Изъ всадниковъ вооруженныхъ.
Звукъ трубный. Ликуетъ воинственный станъ,
Къ походу все войско готово;
Но, руки ломая, смущенный Туганъ
Домой возвращается снова.

Эти строфы изъ баллады Мицкевича „Свитезь" (даже и фамилія по игрѣ случая „Туганъ"), право, даютъ недурныя параллели. Закидано нынѣ пескомъ то мѣсто, гдѣ въ Вольно - Экономическомъ Обществѣ и „Новомъ Словѣ", стоялъ городъ высокій, собиравшій въ себя храбрыхъ людей и дѣвъ красныхъ не мало. Всего этого теперь нѣтъ, а поросли лѣса „критики" и дворянско-буржуазнаго либерализма... Всякому ясно, что „спасенье столицы" зависитъ теперь не отъ Тугановъ, которые совершенно своевременно при выступленіи пролетаріата, „руки ломая" въ битвѣ съ марксизмомъ, возвратились „домой": въ область тѣхъ самыхъ буржуазныхъ построеній и программъ, изъ которыхъ они и не вышли бы, если бы всѣ обстоятельства властно не требовали внесенія „посторонних элементовъ" соціалистическаго характера туда, куда они на самомъ дѣлѣ вовсе не ко двору.

При ликвидаціи періода „взаимоприспособленія" и при сведеніи счетовъ съ „посторонними элементами", г. Струве пришлось пройти черезъ чистилище „критическаго" марксизма и по солнечной сторонѣ „самаго трезваго соціальнаго реализма и самаго смѣлаго и проникновеннаго соціальнаго идеализма", какъ онъ характеризуетъ Лассаля („На разныя темы", стр. 266), причемъ были посѣяны опять новыя недоразумѣнія въ молодежи, толкнувшейся было за вожакомъ на путь удивительнѣйшей „критики", и г. Струве былъ провозглашенъ „правдоискательствующимъ Виссаріономъ", мечущимся въ поискахъ за этическими истинами соціализма... А „Заря", введенная въ заблужденіе прошлымъ „марксизмомъ" г. Струве, начала дѣлать невѣрныя и въ данномъ случаѣ мало содержательныя обобщенія насчетъ „критики", бернштейніанства *въ сферѣ марксизма*...

Между тѣмъ, „правдоискательствующій Виссаріонъ" прямой дорогой двигался въ самыя нѣдра буржуазнаго лагеря, выстраивая по пути своего слѣдованія цѣлыми аллеями колос-

сальныя фигуры Лассалей, Кантовъ, Фихте, прикрывая ихъ тѣнями свое отступленіе отъ случайнаго сообщества съ соціалдемократами... Пока г. Струве пробирался между выстроенными имъ лассалевскими аллеями, многіе склонны тутъ были видѣть разнаго рода частныя причины или же говорили: посмотрите, что дѣлаетъ ужасная русская жизнь, какъ она коверкаетъ людей, какими мрачными трущобами и лабиринтами водитъ ихъ свѣтлыя мысли! Охъ, плохо это кончится — какъ бы по ньютоновски и паскалевски не разрѣшились эти всевозможные поиски „религіи"...

Теперь все разъяснилось — и вовсе не печально ни для г. Струве, ни для насъ, а наоборотъ, очень хорошо. Куда дѣлась та тоска по Канту и Лассалю, тотъ мистическій огонекъ, исканіе какихъ то религіозныхъ основъ и какого то четвертаго измѣренія вмѣсто четвертаго сословія — все то, что было такъ характерно для г. Струве еще позавчера, и что давало поводъ къ зачисленію его въ мятущіеся Виссаріоны! Посмотрите, какимъ яснымъ и простымъ языкомъ, безъ всякой тѣни мистицизма говоритъ онъ въ „Освобожденіи"! И говоритъ онъ такъ, какъ дай богъ всякому природному либералу... Словно онъ тутъ и родился... Словно, онъ не только „понимаетъ" „элегическое настроеніе людей, переживших 60-ые годы" („На разныя темы, стр. 84), но даже и его не забылъ пережить самолично... „Новѣйшее открытіе — писалъ онъ тономъ блѣдной, неестественной шутки въ 1901 г.— состоитъ въ томъ, что я ,либералъ, переодѣтый марксистомъ'. Представьте себѣ мой ужасъ, читатели, когда я однажды проснулся не болѣе, не менѣе, какъ... презрѣннымъ ,либераломъ'! Я схватилъ себя за голову и въ сознаніи своей неисправимой либеральной грѣховности сталъ читать ,Вѣстникъ Европы' (Ibid., стр. 304)"... Но теперь г. Струве, должно быть, успѣлъ ужъ хорошо вчитаться въ него — мѣстами нѣтъ никакой возможности отличить его отъ г. Арсеньева, и врядъ ли бы онъ посмѣялся нынче такой двусмысленной остротой!

Съ усмѣшкой исконнаго либерала третируетъ онъ и „доктрину" („Освобожденіе" „возникаетъ не какъ органъ готовой партіи, тѣмъ менѣе доктрины"); иронически отзывается „о всякихъ излюбленныхъ идеяхъ", которыя могли бы „сужать великое освободительное движеніе" съ его цѣлями „ясными", „простыми" и „доступными возможно большему числу лицъ"; весьма отчетливо отмежевывается отъ „крайнихъ русскихъ партій", рекомендуя „умѣреннымъ", „нереволюціоннымъ элементамъ общества" сорганизоваться и сознать свои обязанности, чѣмъ они пріобрѣтутъ и „право призывать революціонеровъ къ умѣренности и отклонять ихъ отъ насилій и крайностей"... Это ли не языкъ старой либеральной Пенелопы, таквшей и распускавшей все одну и ту же ткань въ ожиданіи своего Одиссея, странствовавшаго по лжемарксизму и среди тѣней Кантовъ и Лассалей? Отбросилъ онъ теперь

все—и „идеи“,и „доктрины“,и„теоріи“, оттолкнулся, какъ отъ никчемныхъ и фантастическихъ, „послѣднихъ упованій“ рабочаго движенія и его „отдаленныхъ конечныхъ цѣлей“, призналъ земскихъ либераловъ „людьми, обладающими зрѣлымъ сужденіемъ и хорошо знающими народную жизнь“, съ точки этого зрѣлаго сужденія разбираетъ и прошлое Россіи, и будущее, въ которомъ должна найтись болѣе, чѣмъ гдѣ либо „благодатная почва для положительнаго государственнаго творчества“... Вопросы о самодержавіи, о православіи *), о народности — все, положительно все разсматривается изъ-подъ угла зрѣнія либерализма, безъ всякаго диссонанса, и въ привычныхъ каждому либералу терминахъ... Отъ прежняго г-на Струве осталось только одно: „Я считаю до сихъ поръ вѣрными взгляды на экономическое развитіе Россіи, высказанные мною въ 1894 году“ („На разныя темы“, стр. 303), т. е. единственно то что могла вынести буржуазія изъ марксизма, и что для нея совершенно достаточно въ борьбѣ за культуру.

Мы совершенно не хотимъ разбирать, обозначаетъ ли все теперешнее поведеніе г. Струве удивительнѣйшую способность мимикри, — приспособляемости—г. Струве, который сумѣлъ раньше воспринять всѣ внѣшнія формы социалдемократическаго ученія, а теперь такъ же воспринялъ либеральный катехизисъ вплоть до его жаргона, — или это и безъ всякой приспособляемости простое слѣдствіе перехода его въ новую среду. Насъ личная сторона вопроса совершенно не интересуетъ, и у насъ нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ личной искренности г. Струве; намъ важно отмѣтить, что теченіе, замутнявшее раньше потокъ социалдемократическихъ идей, теперь пошло по своему собственному ложу, ясно свидѣтельствуетъ, что ему надо, и, наконецъ то, говоритъ хоть приблизительно своимъ собственнымъ языкомъ. Мы не только готовы вѣрить словамъ г. Струве въ 15 № „Освоб.“ но даже думаемъ, что иначе и быть не можетъ: „...обвиненіе въ неискренности — пишетъ онъ — мы отвергаемъ безусловно. Если мы ‚оппортюнисты‘, то во всякомъ случаѣ мы совершенно искренни и вѣрны себѣ въ нашемъ ‚оппортюнизмѣ‘, который есть у насъ не личина приспособленія, не выученная поза, а наше

*) Какъ вамъ понравится слѣдующее мѣстечко изъ современныхъ писаній г. Струве: „*Если* (курс. нашъ) православіе вообще можетъ воскреснуть къ новой жизни, то для этого ему нужно прежде всего признать право на существованіе за своимъ духовнымъ противникомъ, за новымъ религіознымъ сознаніемъ.“ Въ pendant къ этому безподобному „если“ г. Струве (не тотъ, который писалъ „Внутреннія Обозрѣнія“ въ „Новомъ Словѣ“, а теперешній, спѣлый г. Струве) не напишетъ ли скоро и другое „если“: если нагайка вообще можетъ воскреснуть къ новой жизни, то она должна признать право на существованіе и за своимъ духовнымъ противникомъ?...

подлинное существо. Отрѣшиться отъ этого оппортюнизма какъ разъ и было бы для насъ неискренностью, значило бы стать невѣрными себѣ".

* *
*

Итакъ, прежде всего либерально-буржуазное теченіе опредѣляетъ царизмъ, какъ врага русской культуры, съ чѣмъ мы вполнѣ сходимся, и призываетъ на борьбу съ нимъ. Но какимъ образомъ? Раньше чѣмъ разсматривать это намъ надо извлечь изъ „Освоб." второго врага русской культуры. О немъ весьма откровенно повѣстствуется въ „открытомъ письмѣ отъ группы земскихъ дѣятелей". Надо замѣтить, что такого рода письма, печатающіяся въ „Освобожденіи", нельзя разсматривать просто, какъ голоса изъ „общества", которымъ открыта въ журналѣ tribune libre, ни къ чему не обязывающая самоё редакцію; нѣтъ, по заявленію г. Струве и по тому хозяйскому тону, который сквозитъ въ этихъ письмахъ, они являются программными, Vademecum для „Освобожденія". Тѣмъ цѣннѣе для насъ отмѣтить по нимъ второго врага русской культуры.

„Можемъ ли мы, земцы, — гласитъ упомянутое нами письмо — при теперешнемъ положеніи вещей въ Россіи оставаться долѣе въ нашемъ выжидательномъ положеніи? И откуда же ждать спасительнаго выхода? Съ одной стороны, обнищаніе и все еще царящее невѣжество народа, озлобленное общество, оскорбленное въ самыхъ святыхъ своихъ стремленіяхъ, и *общая почва классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ, вздымающаяся, подобно угрожающему вулкану, который можетъ каждую минуту совершить самыя ужасныя опустошенія* (курс. нашъ). Съ другой стороны (т. е. на тѣхъ же самыхъ вѣсахъ! Л. Н.) близорукая и неумѣлая бюрократія, которая своимъ ни съ чѣмъ несообразнымъ стремленіемъ захватить все въ свои руки и неумѣніемъ разобраться въ надвигающихся событіяхъ все расшатываетъ, *въ томъ числѣ и самодержавіе, которому она якобы служитъ* (курс. нашъ. Мы-мы дѣйствительно, не яковы будемъ ему служить? Л. Н.)" *).

*) Въ № 13 „Освобожд." „старые земцы" съ ужасомъ говорятъ о „глухомъ броженіи среди народныхъ массъ, грозящемъ каждую минуту перейти въ открытое возстаніе, которое (страшно подумать! Л. Н.) можетъ вмѣстѣ съ абсолютной монархіей смести и самый принципъ монархіи, вмѣстѣ съ злоупотребленіями частной собственности уничтожить самый принципъ собственности",—и отъ дѣятельности земцевъ „зависитъ не только судьба имущихъ классовъ, къ которымъ принадлежимъ мы, но и судьба народа и судьба государства". (Здѣсь, очевидно, ошибка метранпажа, который невѣрно сверсталъ „не только" и „судьбы"... Л. Н.)

О „классовыхъ и эгоистическихъ интересахъ" идетъ толкъ и въ помѣщенномъ въ томъ же № заявленіи „Отъ русскихъ конституціоналистовъ". Имѣются въ виду и крестьянскія волненія, и рабочее движеніе. Насчетъ крестьянскихъ волненій говорится такъ:

„Очевидно, революціонная пропаганда въ данномъ случаѣ только и могла принести плоды на почвѣ народнаго обнищанія, невѣжества, *непониманія элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права* (курс. нашъ. Это вездѣсущій либерализмъ вѣщаетъ свое мнѣніе изъ опустошеннаго хлѣбнаго амбара. Л. Н.), безправія и разобщенности культурныхъ, мирныхъ элементовъ общества отъ народа. Все это достигнуто нашей финансовой и экономической политикой, высасывающей всѣ соки изъ деревни; преградами, которыя ставятся на пути просвѣщенія народа; отсутствіемъ правопорядка въ деревнѣ и вселяемымъ въ населеніе недовѣріемъ къ правосудію вслѣдствіе неправильной его постановки."

Относительно рабочихъ волненій находимъ слѣдующія строки:

„Не касаясь множества другихъ не менѣе неудачныхъ попытокъ бюрократіи усилить свое вмѣшательство, приведемъ лишь разительный примѣръ ея близорукаго ослѣпленія въ стремленіи „объять необъятное" и захватить въ свои немощныя руки даже такія сложныя стороны жизни общества, какъ рабочій вопросъ. *А на дѣлѣ получается поразительное по своему стремительному росту рабочее движеніе* (курс. нашъ. Его либералы, конечно, быстро введутъ въ гармонію и спокойствіе. Л. Н.)! Итакъ, бюрократія, получивъ совершенно не свойственное себѣ развитіе и проникая во всѣ самыя потаенныя и чувствительныя мѣста частной жизни русскихъ людей, дѣйствительно все перепутала, распатала, озлобила и *готовитъ ужасную катастрофу и не только себѣ, но, можетъ быть, и многимъ культурнымъ сторонамъ русской жизни* (курс. нашъ. Это пишетъ Ваничка изъ „Желѣзной дороги", которому слова генерала показались куда какъ убѣдительнѣй Некрасовскаго голоса о косточкахъ русскихъ, создавшихъ желѣзнодорожную культуру. Л. Н.)."

Ясно, что рабочій классъ является врагомъ буржуазной культуры: отъ него надо ждать „самыхъ ужасныхъ опустошеній". Этотъ классъ, очевидно, и всегда будетъ врагомъ „культуры", ибо въ основѣ его дѣятельности и борьбы лежатъ „классовые и эгоистическіе интересы". Но сейчасъ почва этихъ интересовъ „вздымается подобно угрожающему вулкану" главнымъ образомъ вслѣдствіе той политики, которую ведетъ правительство, и которая довела народъ до полнаго матеріальнаго и нравственнаго оскудѣнія. „Эгоистическіе и классовые интересы", такъ бурлящіе теперь и создающіе

очень нехорошія „недоразумѣнія“ между помѣщиками и крестьянами, между фабрикантами и рабочими, ведущіе къ нарушенію „элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права“,— эти интересы значительно притупятся и не будутъ такъ варварствовать надъ культурой, когда измѣнится правительственная политика. Несомнѣнно, надо начать перестройку политической жизни Россіи и этимъ фактомъ уничтожить всю остроту проявленій „классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ“.

Кто же начнетъ эту перестройку и какимъ образомъ? Все дѣло надо поставить такъ, чтобы всего меньше участвовали въ немъ представители „классовыхъ и эгоистическихъ интересовъ“: грозный призракъ рабочаго класса уже и теперь до полной дрожи пугаетъ либеральную буржуазію. Перестройка эта должна быть совершена правительствомъ при помощи общества, т. е. буржуазіи. Во имя чего же возьмется правительство за самоуничтожающія реформы?

„Въ нашей программѣ—говорится въ заявленіи „отъ русскихъ конституціоналистовъ“—мы исходимъ изъ предположенія, что *въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ правительственная власть будетъ поставлена въ необходимость приступить къ серьезной политической реформѣ* (курс. нашъ). Многочисленные признаки показываютъ, что разложеніе нашей государственной формы идетъ быстрыми шагами впередъ. Непрекращающіеся безпорядки въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, широко развившееся рабочее движеніе, аграрныя волненія крестьянъ, *черезвычайное распространеніе революціонныхъ изданій въ низшихъ слояхъ населенія* (курс. нашъ. Тоже, вѣдь, пакость какая развелась! Л. Н.), новыя вспышки терроризма, выразившіяся въ фактѣ убіенія двухъ министровъ на протяженіи одного года, — все это свидѣтельствуетъ, что русское общество переросло существующую форму и *болѣзненно* (курс. нашъ) ищетъ выхода изъ связывающихъ его путъ.“

Это разъ, а во вторыхъ:

„Сила моментовъ, подобныхъ настоящему, въ томъ... состоитъ, что *всѣ* (курс. земцевъ), рѣшительно всѣ активные элементы общества начинаютъ хотѣть чего нибудь одного и этого одного хотятъ напряженно, къ этому одному стремятся неудержимо.... *Все* (курс. земцевъ) общество требуетъ отъ власти въ одинъ голосъ — серьезной политической реформы....“

Кончается заявленіе отъ русскихъ конституціоналистовъ слѣдующимъ пророческимъ предостереженіемъ:

„Въ исторіи древняго Рима сохранилась одна поэтическая легенда: сивилла изъ Кумъ пришла къ царю Тарквинію

продавать ему книги судебъ. Царю назначенная сивиллой цѣна показалась дорогой. Тогда сивилла бросила въ огонь часть книгъ, а за остальныя потребовала ту же цѣну. Царь все еще колебался: сивилла сожгла еще часть книгъ. Посовѣтовавшись съ авгурами, царь, наконецъ, купилъ — по прежней цѣнѣ — то, что осталось.

Римская легенда даетъ полезный урокъ царямъ и авгурамъ. Съ исторической необходимостью торговаться опасно. Чѣмъ дальше, тѣмъ меньше она уступаетъ. И кто не хочетъ читать таинственную книгу судебъ въ ея естественномъ порядкѣ, тотъ дорого заплатитъ за послѣднія страницы, на которыхъ написана развязка."

Такъ. Правительственная власть — это прежде всего — стоитъ лицомъ къ лицу съ страшнымъ народнымъ ураганомъ, который готовится смести ее съ поверхности земли, можетъ быть, еще вмѣстѣ и „со многими культурными сторонами русской жизни" (такъ блестяще развитыми купцомъ Колупаевымъ и корнетомъ Отлетаевымъ?). Неминуемость такого урагана черезчуръ ясна буржуазіи, и устами г. Струве она даже заявляетъ, что русскій рабочій „проснулся къ свободѣ, онъ требуетъ ее, и онъ возьметъ ее"; и чтобы онъ, руководимый своими классовыми и эгоистическими интересами, не взялъ ее такъ, какъ ему надо и хочется, остается одинъ исходъ: встрѣчный искъ со стороны реформы въ сторону революціи. И буржуазія крѣпко вѣритъ, что правительство пойдетъ на такую реформу. Возьмите вы тотъ языкъ, которымъ пишетъ г. Струве и гг. земцы. Вотъ образчикъ ихъ стиля:

„Мы —пишутъ земцы — скорбѣли душой, и скорбимъ еще и теперь, когда *недоразумѣнія* (курс. нашъ) между правительствомъ и населеніемъ, приводили къ *обоюднымъ* (курс. нашъ) насиліямъ... Будучи искренними и убѣжденными сторонниками порядка и законности, мы даже за послѣдніе 20 лѣтъ, *во время царствованія недовѣрія со стороны Правительства* (курс. нашъ. „Правительство" написано съ большой буквы самими пресмыкающимися. Л. Н.) къ общественнымъ силамъ страны во время урѣзыванія и тѣхъ немногихъ правъ, которыя были дарованы народу, терпѣливо выжидая, замкнулись въ свою дѣятельность и старались забыться въ тѣхъ отрасляхъ культурной работы, которыя намъ еще были предоставлены" (Во 2-мъ № „Освов." все это картиннѣе: сказано, что 20 лѣтъ „намъ" плевали въ физіономію, а „мы" утирались,—должно быть, считая это маленькимъ недоразумѣніемъ и проявленіемъ недовѣрія. Л. Н.)

Я спрашиваю васъ, если у человѣка въ душѣ есть хоть одна революціонная искра, можетъ онъ писать такимъ пошло-холоп-

скимъ языкомъ? И это они пишутъ не адресъ на высочайшее имя (хотя, кажется, и для адреса лакейства пущено свыше всякой мѣры), а изъясняются такимъ языкомъ на свободномъ станкѣ печатнаго слова! Крѣпка, должно быть, вѣра, что ихъ „призовутъ къ Престолу" вершить народныя дѣла, что Плеве „разумно используетъ живыя общественныя силы „земцевъ" для крупнаго и рѣшительнаго шага по пути политическаго развитія страны..." „Штиль" совсѣмъ запрестольный... Весьма поучительно сопоставить съ этими строками слѣдующую выдержку изъ предисловія г. Струве какъ разъ къ этому же письму:

„Общественное мнѣніе Россіи влачитъ жалкое и постыдное существованіе раба, который постоянно соразмѣряетъ свои заявленія съ желаніями, требованіями и предписаніями господина. Этотъ рабій способъ говорить, озираясь на лицо господина и читая въ немъ милость или гнѣвъ, есть источникъ разврата и опасностей *для обѣихъ сторонъ* (курс. нашъ. Вотъ что значитъ не рабій языкъ! Л. Н.). Совѣсть исчезаетъ и истина скрывается, создается ужасающая путаница. Подавляя общественное мнѣніе, правительство не только развращаетъ гражданъ: *оно прежде всего обманываетъ самого себя, скрывая отъ себя факты дѣйствительности и настроеніе общества, которое тоже есть огромной важности фактъ національной жизни. А, не зная дѣйствительности, оно на каждомъ шагу рискуетъ впасть и впадаетъ въ ошибки и недоразумѣнія, за которыя дорогой цѣной расплачивается живой организмъ народа* (курс. нашъ. Вотъ какъ, вотъ какъ нужно говорить и писать свободнымъ хамелеонамъ! Л. Н.)... Мы привѣтствуемъ отъ всей души печатаемыя ниже заявленія изъ земской среды, какъ важныя обнаруженія общественнаго мнѣнія, исходящія отъ людей, *обладающихъ зрѣлымъ сужденіемъ и хорошо знающихъ народную жизнь* (курс. нашъ. Сколько уже пудовъ соли съ земцами съѣлъ г. Струве?)."

Пишутъ въ свободной печати рабьимъ языкомъ рабьи вещи, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ, не вѣря въ свои же слова, лгутъ, проповѣдуя пользу свободы прессы для монархіи,— и при этомъ пускаютъ зачѣмъ то въ оборотъ жалкія и вообще красивыя, а для себя *постыдно*-красивыя слова объ общественномъ мнѣніи, влачащемъ рабское существованіе... Не для этихъ ли сентенцій г. Струве понадобились гимны идеалистической философіи и Лассалю?... Не это ли „бодрая и рѣшительная нетерпимость ко злу", являющаяся „необходимымъ дѣйственнымъ, творческимъ и въ то же время санитарнымъ предохраняющимъ и исцѣляющимъ началомъ" („На разныя темы", стр. 292). Относительно другихъ эпитетовъ не знаемъ, но санитарія, кажется, не дурная!...

По этимъ выдержкамъ вы видите, что либералы безусловно увѣрены въ томъ, что правительство приступитъ къ существеннымъ политическимъ реформамъ и призоветъ ихъ осуществить эти реформы. Дѣло должно обстоять такъ. Правительство дѣлаетъ принципіальное заявленіе (манифестъ выпускаетъ) объ упраздненіи абсолютизма въ Россіи, и „актомъ высочайшей воли“ призываетъ представителей общества для выработки новыхъ органическихъ законовъ и устоевъ правопорядка, по которымъ и должна двигаться дальнѣйшая государственная жизнь страны при ежегодномъ созывѣ представителей отъ общества, при свободѣ печати, собраній, союзовъ, при личной свободѣ, гарантированной независимымъ судомъ, при равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, при отсутствіи административнаго произвола.

Призванные „актомъ высочайшей воли“ представители общества сейчасъ же примутся за устройство русской земли. Кто же да кто? На этотъ счетъ намъ говорится такъ. „Подъ двойнымъ вліяніемъ правительственной реакціи и революціонной борьбы имѣетъ всѣ шансы сложиться русская конституціонная партія“, она то и явится patres patriae. Конкретно она выражается въ земствахъ и думахъ — этихъ „органахъ всесословнаго общественнаго самоуправленія“. Маленькая бѣда состоитъ въ томъ, что эти органы „искажены по составу своего представительства и очень неполно представляютъ мнѣніе страны“ (надо таки признать это!), но съ фактомъ ничего не подѣлаешь: ничѣмъ другимъ эти учрежденія замѣнить нельзя, и только они одни „имѣютъ за собой преданія политическихъ стремленій и по существу своему „представляютъ нижній этажъ конституціоннаго зданія“. Конечно, еслибы до общей политической реформы произошла реформа избирательныхъ правъ въ думы и земства,— тогда было бы все великолѣпно; но земцы предвидятъ, что „политическая реформа станетъ на очередь раньше этого момента“, и они очень глубокомысленно замѣчаютъ, что было бы „политической ошибкой“ откладывать реформу всего государствоуправленія ради избирательной реформы въ земствахъ и думахъ... Вотъ они насколько государственно-мудры, логичны, смѣлы, рѣшительны, идутъ до самаго-самаго конца (не промѣняютъ кукушку на зяблика!), а демократичны то они какъ! И, понятно, при такой ихъ смѣлости обстоятельности и демократичности, никому бы не надо было бояться, что и при искаженномъ составѣ земствъ и городовъ нигдѣ не прорвутся антидемократическія тенденціи, все будетъ при обсужденіи государственныхъ дѣлъ устроено къ наибольшему народному благу, и намъ всѣмъ надо было бы примириться съ тѣмъ, что за насъ будутъ рѣшать представители отъ учрежденій, всего лишь искаженныхъ по формѣ, но благодѣтельныхъ для народа по своему духу...

„Но — продолжаемъ мы словами самихъ конституціоналистовъ—какъ бы то ни было ограничить одними представи-

> телями существующихъ органовъ самоуправленія—земствъ и думъ *большихъ городовъ* (курс. нашъ. Разныхъ тамъ Спасскихъ и Бѣлозерсковъ нечего считать — ну ихъ къ ляду! Л. Н.) — составъ будущаго учредительнаго органа было бы принципіальной ошибкой. Составленный такимъ образомъ, *онъ не имѣлъ бы достаточнаго авторитета въ тѣхъ самыхъ сферахъ, удовлетворить которыя имѣлось бы въ виду самымъ фактомъ устройства такого органа.* (Курс. нашъ) Вмѣсто успокоенія, онъ рисковалъ бы внести новое неудовольствіе и очутился бы въ очень трудномъ положеніи между недовѣрчивымъ отношеніемъ правительственныхъ слоевъ и *принципіальной доктриной передовыхъ общественныхъ и литературныхъ теченій*, горькимъ опытомъ (прошлыми „подвигами“ земцевъ? Л. Н.) пріученныхъ къ скептицизму“.

Хотя тутъ только мѣтится въ представителей „доктрины“ и литературы, но сдается намъ, что подъ тѣми самыми сферами, которыя надо успокоить фактомъ устройства органа, имѣется въ виду опасный элементъ, растекающійся лавой подъ вліяніемъ эгоистическихъ и классовыхъ интересовъ. Такъ вотъ въ виду этого элемента надо ввести кое какія поправки:

> „было бы, напримѣръ, желательно предоставить для этой цѣли существующимъ органамъ самоуправленія право избирать депутатовъ *изъ лицъ, принадлежащихъ не только* (курс. нашъ) къ средѣ земскихъ и городскихъ гласныхъ и избирателей, но и ко всему русскому обществу; было бы также полезно допустить право представительства и для русскихъ университетовъ.“

Не тронуться этимъ можетъ только каменное сердце: всякій внимательно вчитавшійся въ эти строки видитъ, что земцы не забываютъ и „рабочаго человѣка“, и доктринеровъ—они и на ихъ долю оставляютъ шансы попасть въ законодательное собраніе. Вотъ что называется истиннымъ демократизмомъ! Земцы прекрасно знаютъ, какія вредныя мысли и побужденія рождаются узкими и классовыми интересами, знаютъ, что доктринеры не обладаютъ „зрѣлымъ сужденіемъ“ и все же даже и имъ (даже и имъ, о, dii immortales!) оставляютъ нѣкоторую лазейку попасть къ трону „по одностороннему акту“ призыва съ высотъ „Престола“...

Но мы живемъ въ вѣкъ каменныхъ сердецъ и черствыхъ чувствъ, и наша развращенность нравовъ, распущенность доктрины и алчность эгоистическихъ и классовыхъ интересовъ доводитъ будущихъ устроителей русской земли до слѣдующаго во истину унылаго признанія;

„Конечно, и послѣ всѣхъ подобныхъ дополненій — остается еще достаточно поводовъ (у разбойниковъ соціальдемократической печати и разнузданныхъ людей, неправда ли ? Л. Н.) для возраженій противъ состава учредительнаго органа“.

И смущаемые этими „ поводами “, слишкомъ выразительно и наглядно свидѣтельствующими о себѣ, земцы пишутъ уже несовсѣмъ увѣренно :

„Съ этимъ необходимымъ несовершенствомъ его — т. е. учредительнаго органа, Л. Н.—можетъ *нѣсколько* помирить *только* то соображеніе, что роль самого учрежденія, создаваемаго такимъ необычнымъ способомъ, по существу своему будетъ *непродолжительная и временная.* (Курс. нашъ. Запомнимъ это, оно намъ пригодится дальше. Л. Н.).

И до чего только доводятъ эти классовые и эгоистическіе интересы и незрѣлыя доктрины! Они даже вгоняютъ земцевъ въ коекакой конфузъ, заставляютъ ихъ стыдливо говорить о „необычномъ способѣ“, съ которымъ можно *только нѣсколько* примириться.

А вдругъ не „ примирятся “ ? Умудренные опытомъ, зрѣвшіе и перезрѣвшіе, въ игольное ухо скакавшіе земцы говорятъ, что несовершенство необходимо, хотя оно слишкомъ необычный — (для народа ни съ чѣмъ несообразный?)— способъ, а доктринеры съ своей незрѣлостью и классовые интересы со своей эгоистичностью вдругъ признаютъ несовершенство неподходящимъ для себя дѣломъ—что тогда? На убѣдительныя слова плохъ разсчетъ; ибо и теперь они застряваютъ въ чащѣ (иной доктринеръ скажетъ: въ грязи) оговорокъ и самоуничтоженій, а если не словомъ, то чѣмъ же дѣйствовать? Чѣмъ доказать, что и не совершенство есть по времени совершенство, что для Макара и на томъ спасибо ?

Не знаемъ, какъ буржуазная демократія отвѣтитъ на этотъ вопросъ, если ей придется отвѣчать на него, пока на сей счетъ она, конечно, не изъясняется; что она будетъ дѣлать, если „придется“, противъ народа—вопросъ будущаго. Оставимъ его пока и посмотримъ, что она думаетъ дѣлать въ борьбѣ съ правительствомъ — это вопросъ настоящаго. Что же по этому поводу говорится въ „ Освобожденіи “ ?

Правительство достаточно слыхивало, что оно находится на краю гибели. Противъ тебя народъ, и ты послѣдній изъ Романовыхъ— это писалось и Александру II, и Александру III, и пишется Николаю II. Умозаключеніе о неминуемости серьезныхъ политическихъ реформъ предъявлялось каждому изъ этихъ императоровъ, — то съ большей, то съ меньшей убѣдительностью, то болѣе, то менѣе рѣзкимъ и увѣреннымъ тономъ. Тебѣ ничего иного не оста-

ется, какъ опереться на насъ, прислушаться къ нашему умѣренно-конституціонно-холопскому голосу, и мы спасемъ твой тронъ — это старая пѣсня, хоть бы ея погудка была на новый ладъ.

Если царь и министры и не получаютъ „Освобожденія“ (впрочемъ, навѣрное, великому князю Константину Константиновичу и Витте оно посылается по почтѣ въ конвертахъ), то и изъ „Вѣстника Европы“ и „Петерб. Вѣдом.“ они достаточно наслышаны и о „недоразумѣніяхъ“ между помѣщиками, правительствомъ и крестьянами*) и о надвигающейся на царизмъ грозѣ. Да и не только наслышаны — а сами расправлялись плетьми, розгами, ружейными выстрѣлами, ссылками и острогами; прекрасно знаютъ степень народнаго возбужденія и первые же готовы потѣшиться надъ арлекинадой г. Струве, увѣряющаго, что правительство не знаетъ „фактовъ дѣйствительности“, благодаря отсутствію гласнаго мнѣнія общества... Все хорошо извѣстно, Плеве и фонъ-Валь, Зубатовъ и митрополитъ Антоній со всѣми ихъ дѣйствіями — порука за это... Горе побѣжденнымъ! — великолѣпно знаетъ правительство и готовится къ рѣшительному бою... Кто же вы такіе, шептуны? Что вы за приживалки, охающія и ноющія и все просящія себѣ право разговорить боль? Въ лагерѣ ли правительственныхъ друзей или правительственныхъ враговъ — вы должны представлять изъ себя какую нибудь силу. Если вы дружественная *сила*—да, есть съ вами смыслъ посчитаться и Витте, и Побѣдоносцеву, и кому угодно, есть смыслъ прислушаться къ вашимъ рѣчамъ, ибо изъ нихъ можно извлечь дѣло; если вы враждебная *сила* — надо подумать, навѣсить ли вамъ жерновъ осельный на шею и ввергнуть въ море, или же войти съ вами въ какое нибудь соглашеніе на основаніи морали римской басни о сивиллѣ изъ Кумъ. Но если вы только сердитое или благожелательное безсиліе — отъ чьего имени вы торгуетесь, и какая цѣна вашимъ предостерегающимъ воплямъ? Если вы завываете изъ лагеря враговъ — мы васъ, безсильныхъ, отщелкаемъ бичами и поставимъ вамъ на сцену ту же самую реакцію Александра III, которую вы и сейчасъ вспоминаете, какъ тягчайшій кругъ Дантовскаго ада, а вашей торговлѣ мы не придадимъ ровно никакой цѣны: вывели вы на торжище меньшого буйствующаго Веніамина, но не на бу-

*) Г. Арсеньевъ пишетъ не хуже г. Струве и точка въ точку тоже самое, что и онъ. Вотъ что, напр., онъ говоритъ во внутреннемъ обозрѣніи іюльскаго № „Вѣстника Европы“ за 1902 годъ: „Намъ казалось и кажется безспорнымъ, что чѣмъ ближе сойдутся между собой различные элементы сельскаго населенія, чѣмъ больше будетъ у нихъ точекъ соприкосновенія и общихъ интересовъ, тѣмъ менѣе вѣроятнымъ станетъ повтореніе такихъ *колоссальныхъ недоразумѣній* (курс. нашъ), какими были вызваны прискорбныя мартовскія событія“. Каково то слушать это г-ну Плеве! Должно быть, въ жаръ и холодъ бросаетъ его...

магѣ ли это еще? идетъ ли онъ *за вами* и прекратитъ ли свои буйства при *вашей* торговой сдѣлкѣ? Если же вы дружественное правительству безсиліе, то извините, если мы васъ сравнимъ съ тѣмъ другомъ дома, который, по народному повѣрью, воетъ и жалобно визжитъ передъ смертью хозяина. Чтобы облегчить хозяйскія страданія, бѣгутъ за докторомъ, въ аптеку или еще куда надо, а завывальщика, какъ не помогающаго, а только раздражающаго, пинаютъ ногами, бьютъ палками, цѣпью, на которой онъ привязанъ... Мы сами, при вашемъ безсиліи, будемъ справляться съ надвигающейся на насъ грозой, а когда понадобится, кивнемъ вамъ пальцемъ, и вы приползете тогда со слезами умиленія на глазахъ и безъ всякихъ римскихъ басенъ... Вы способны приползти въ какую угодно сторону... Милые, добрые други! Говорятъ, Ламартинъ въ 48 году всходилъ на трибуну, чтобы спасти монархію, чтобы поддержать регентство, и только увидѣвъ съ трибуны, что монархія уже сломлена, разразился фонтаномъ своего цвѣточнаго краснорѣчія во славу республики... Вы — вы тоже всегда готовы брызгать своими умѣренно-либерально-аккуратными мыслями при всякой формѣ правленія, всегда и неизмѣнно поддерживая деспотическое отношеніе къ народу... Вы...

Правительство, конечно, не иначе оцѣниваетъ своихъ „союзниковъ“ или „враговъ“ изъ либеральнаго лагеря: оно считается только съ силой. Сила выражается въ борьбѣ. Посмотримъ же, какая борьба проектируется русскими конституціоналистами.

* * *

> „Являясь наиболѣе связаннымъ съ земской группой, нашъ органъ ставитъ своей задачей — выработать такую программу совершенно опредѣленныхъ политическихъ требованій, на почвѣ которой земство могло бы дѣйствовать совмѣстно съ другими общественными группами, *не отказываясь въ то же время отъ тѣхъ преимуществъ своего фактическаго положенія, которыя могутъ сообщить его дѣятельности особенное значеніе въ переходный періодъ къ новому политическому режиму* (курс. нашъ).“

Что значитъ „преимущества своего фактическаго положенія“? Въ переводѣ на общепонятный языкъ, это значитъ сберегать свое легальное положеніе. Не только, конечно, въ личномъ смыслѣ — хотя, сказать попутно, Бланки и Барбесовъ „не призовутъ“ никакія буржуазныя правительства устраивать судьбу земли, и это тоже надо имѣть въ виду —, но главнымъ образомъ въ смыслѣ сохраненія органовъ самоуправленія. Вести свое дѣло такъ, чтобы вихрь разбушевавшейся реакціи не разметалъ земство цѣликомъ, какъ онъ срываетъ и уноситъ прочь его отдѣльныя функціи. Это первый предѣлъ земской оппозиціи, кладущійся, такъ сказать, го-

сударственными нормами. Послушаемъ дальше земцевъ — найдемъ и слѣдующіе предѣлы.

„Для того, чтобы достигнуть поставленной цѣли, земская политическая программа должна, какъ намъ кажется, удовлетворять слѣдующимъ главнѣйшимъ требованіямъ:

„Она должна быть, во первыхъ, настолько *принципіальна,* чтобы не теряться въ случайныхъ частныхъ лозунгахъ, выставляемыхъ частными группами, по частнымъ поводамъ, въ зависимости отъ того, насколько благопріятно сложатся обстоятельства текущей минуты и личный составъ того или другого собранія. Намѣчать цѣли и способы подобныхъ частныхъ дѣйствій — есть дѣло всякаго рода общественныхъ организацій, дѣло текущей партійной тактики, но никакъ не дѣло программы. Программа не можетъ указать, *какъ* надо дѣйствовать въ каждомъ данномъ случаѣ; но она должна указать, *какую* общую цѣль долженъ преслѣдовать каждый отдѣльный шагъ. *Какой* путь избрать есть вопросъ *мѣстнаго удобства*; но *куда* идти по какому бы то ни было пути, объ этомъ надо сговориться въ программѣ. *Принципіальность* программы *не исключаетъ,* такимъ образомъ, *возможности компромисса*; но компромиссъ лишь тогда можетъ быть признанъ законнымъ, когда приближаетъ къ общей цѣли."

Всѣ курсивы принадлежатъ авторамъ; нами подчеркнуты только слова „мѣстнаго удобства" и „не исключаетъ возможности". Не любопытенъ ли этотъ танецъ эфіопа передъ восхитившимъ его зеркаломъ? И штука великолѣпная, и приступиться къ ней боязно — подскочитъ, сунетъ въ него свое обличіе, ухмыльнется отъ удовольствія и назадъ... И принципіальность требуется самыхъ добротныхъ свойствъ, и всѣ удобства мѣстнаго тарантаса надо сохранить, и строгой послѣдовательности нужно глазки сдѣлать, и на поклонъ къ компромиссу сходить... Но эфіопъ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, въ концѣ концовъ набирается смѣлости и приручаетъ къ себѣ зеркало; о земцахъ исторія не даетъ такого рода указаній, а, наоборотъ, всѣми фактами говоритъ, что земецъ бѣгалъ все время отъ зеркала къ зерцалу, и если онъ теперь на первыхъ же шагахъ, оглядывая свой скарбъ, на почетное мѣсто выставляетъ и „компромиссъ", и „мѣстныя удобства" — ясно, какъ будетъ перезрѣвать его зрѣлая мысль... Это слѣдуетъ и изъ продолженія земскихъ рацей:

„Другое необходимое условіе нашей программы должно заключаться въ ея *исполнимости* (курс. земцевъ) при современныхъ условіяхъ соціальнаго и культурнаго строя".

А чѣмъ опредѣляется эта исполнимость?

Предѣлы ея для будущаго, т. е. при совершеніи уже реформъ, земцы сейчасъ же спѣшатъ отмѣтить, но объ этомъ мы будемъ говорить дальше; насъ интересуетъ, чѣмъ они намѣчаются по отношенію къ настоящему. На сей счетъ земцы молчаливы, какъ прозорливецъ Кукша, который все зналъ, но и обо всемъ молчалъ. Они прозрѣваютъ, что жить и дѣйствовать имъ приходится при правительствѣ, съ большимъ искусствомъ показывающемъ, гдѣ раки зимуютъ; они прозрѣваютъ, что „земская косточка", по безсмертному выраженію Щедрина, не охотница проводить свое время на рачьемъ зимовьи; они прозрѣваютъ, что правительство не попуститъ постоянному или временному ходатайству земства даже о введеніи сразу во всѣхъ больницахъ усовершенствованныхъ подтяжекъ; они прозрѣваютъ все это и, подобно прозорливцу Кукшѣ, молчатъ, молчатъ и молчатъ о средствахъ борьбы, ставя ее въ зависимость отъ „исполнимости", отъ „законнаго компромисса", отъ „ мѣстнаго удобства "...

Итакъ, въ дѣйствіяхъ мы земцевъ не видали, „доктрина" ихъ сулитъ мало успокаивающаго на счетъ ихъ борьбы — откуда же у нихъ такая прыть договариваться и торговаться съ правительствомъ и брать на себя перестройку Россіи? А прыть большая, и г. Струве стоитъ передъ рабочимъ, какъ прекрасная Амнерисъ предъ Радамесомъ, и величественно указывая на будущій парламентъ изъ земцевъ, напѣваетъ трудящемуся люду:

Тамъ собрались, участь твою рѣшаютъ!...

Очевидно, Радамесъ долженъ, прельстившись атурами Амнерисъ, своей реальной силой поддерживать будущихъ устроителей Россіи. Надѣемся не pour les beax yeux? Попробуемъ выяснить это.

О томъ, что все должно быть на законномъ основаніи, о свободѣ печати, собраній, сходокъ, неприкосновенности личности — мы это уже слышали и записали выше. Есть еще одинъ пунктъ изъ этой области, который стоитъ отмѣтить особо для просвѣщенія умовъ насчетъ либераловъ и склоненія преступныхъ сердецъ на ихъ сторону.

> „Въ день, когда политическая свобода въ Россіи станетъ совершившимся фактомъ, признаннымъ верховной властью, — *будетъ совершенно справедливо* (курс. нашъ) освободить *даже и отъ законныхъ послѣдствій ихъ дѣйствій* (курс. нашъ. Даже, даже, даже!!!) тѣ лица, политическія преступленія которыхъ стояли въ связи съ ихъ стремленіемъ поднять Россію на культурную высоту, характеризуемую режимомъ политической свободы."

Скажите пожалуйста! Во всѣхъ смыслахъ „совершенная справедливость"! Хотя Германа Лопатина, Вѣру Фигнеръ, Петра Карповича упекли въ Шлиссельбургъ по суду и слѣдствію, на законномъ

основаніи, но да будутъ освобождены и они! Хотя политическіе острожники и каторжники должны бы по закону претерпѣвать послѣдствія —но да будутъ скинуты даже, даже, даже и они со счета! Праздникамъ праздникъ, торжество изъ торжествъ! Надо все краснорѣчіе Іоанна Златоуста, чтобы воспѣть всѣ дары прощенія въ этотъ великій день отпущенія грѣховъ даже тѣмъ... кого бы должны преслѣдовать законныя послѣдствія Нѣтъ, тутъ безсильно и краснорѣчіе Златоуста: подумайте, вѣдь, необъятность щедротъ можетъ дойти, сказать страшно! — *даже* и до амнистіи сосланнымъ за стачки, за крестьянскіе бунты, за разнаго рода рабочія волненія! Духъ замираетъ отъ такого предположенія, отъ этого замѣчательнаго „*будетъ совершенно справедливо*", отъ великодушія, поступающагося „*даже законными послѣдствіями*..."

Г. Струве убѣждаетъ свою аудиторію, что

> „какъ бы кто ни относился къ соціальнымъ идеямъ, пріемамъ и тактикѣ русскихъ революціонныхъ партій, разновременно ведшихъ и теперь ведущихъ борьбу съ реакціоннымъ правительствомъ, — *за то одно* (курс. нашъ), что онѣ боролись и борются съ насиліемъ и произволомъ, ихъ долженъ уважать всякій искренній поборникъ свободы."

Лестно какъ и чувствительно!

Въ № 7 „Освобожденія", въ статьѣ „Либерализмъ и т. н. революціонныя направленія", проводя параллели между первымъ и вторыми, заключая ихъ въ одну и ту же всеобхватывающую рамку „оппозиціи", — г. Струве призываетъ къ взаимной „терпимости" и распропагандировываетъ либераловъ трактовать революціонное движеніе не такъ, какъ его трактуетъ правительство.

> „И двадцать лѣтъ тому назадъ — пишетъ г. Струве — было странно заблуждаться относительно существа русскаго революціоннаго движенія, которое прежде всего есть *здоровый протестъ* (курс. нашъ. Любопытно это сравнить съ земскими мнѣніями! Л. Н.) противъ политическаго произвола правительства и преступнаго забвенія имъ самыхъ насущныхъ нуждъ народныхъ массъ. Никакого ‚хаоса' и никакой ‚анархіи' революціонное движеніе не можетъ создать. Ждать отъ него хаоса, значитъ, съ одной стороны не понимать его сущности и, съ другой стороны, *безмѣрно преувеличивать силу* (курс. нашъ)."

Въ статьѣ о ростовскихъ событіяхъ г. Струве спѣшитъ вразумить либераловъ, что руководство соціальдемократіи является фактомъ очень желательнымъ и отраднымъ, что чѣмъ сильнѣе оно, тѣмъ культурнѣе протекаетъ рабочее движеніе...

Это чрезвычайно интересные факты и сужденія. Взгляды либерала au naturel мы видѣли выше въ выдержкахъ изъ земскихъ заявленій, видѣли наиестественнѣйшій трепетъ либерала передъ

революціонной борьбой. Г. Струве стремится привить ему (ему: т. е. и либералу, и либеральному трепету,) иную оцѣнку предмета — взглядъ на революціонную борьбу не только какъ на вредныя испаренія, но и какъ на „здоровый протестъ“. Колировку г. Струве производитъ не безъ остроумія: онъ не только выясняетъ съ разныхъ точекъ зрѣнія полезность революціоннаго дѣла и, слѣдовательно, необходимость „уваженія“ къ нему и „терпимости“, не только констатируетъ, что рабочій бьется за свободу и „возьметъ ее“, но и, когда нужно, производитъ успокоительные разсчеты о силѣ рабочихъ, указываетъ, что ее „безмѣрно“ преувеличиваютъ... Г. Струве, очевидно, знаетъ, что только при послѣднемъ указаніи колировка будетъ успѣшна въ либеральномъ климатѣ: рабочій — это сила, которая наноситъ крайне тяжелые и нанесетъ послѣдніе удары правительству, но не бойтесь — эта сила не такъ многообъемна, чтобы она внесла „хаосъ“ и „анархію“, т. е. — называя вещи ихъ собственными именами — причинила вредъ буржуазіи, либерально-буржуазному пониманію оппозиціи...

Мы, конечно, не противъ того, что Павелъ буржуазіи не является Савломъ на соціалистовъ: что жъ, это дѣло хорошее, и чѣмъ больше либеральная буржуазія признаетъ у насъ „здоровыхъ протестовъ“ — тѣмъ лучше! Мы только отмѣчаемъ характерное разномысліе г. Струве и земскихъ оппозиціонеровъ... Это намъ надо имѣть въ виду, надо помнить то обстоятельство, что либеральную буржуазію *еще* надо убѣдить въ содержаніи и „коечего“ „здороваго“ въ классовыхъ и эгоистическихъ интересахъ, что она *еще даже* не тверда въ разныхъ „даже“, что еще и „за то одно“ она можетъ уважить въ случаѣ „нужды“ не иначе какъ кузькиной матерью и присчитать куда слѣдуетъ „законныя послѣдствія“, несмотря на то, что

> „самая широкая амнистія по всякаго рода государственнымъ преступленіямъ *была бы* (КУРС. НАШЪ. И осторожно, и совсѣмъ-совсѣмъ государственно-мудро, и въ то же время до безпредѣльности великодушно! Л. Н.) не только долгомъ чести и справедливости по отношенію къ піонерамъ свободы, но и актомъ величайшей государственной мудрости, который достойно ознаменовалъ бы собою принципіальный разрывъ съ мрачнымъ временемъ, переживаемымъ нами теперь, и рѣшительное вступленіе Россіи на высшую ступень политическаго и культурнаго существованія.“

Но, впрочемъ, тронутые до глубины души обѣщаніемъ намъ амнистіи и свидѣтельствомъ объ уваженіи со стороны буржуазіи „за то одно“, — перейдемъ къ тому, что обѣщается земцами, кромѣ помилованія революціонерамъ и словъ о свободѣ — къ гарантіямъ этой свободы. Иначе сказать, къ вопросу объ изби-

рательномъ правѣ. Насчетъ учредительнаго собранія мы уже видѣли, что тутъ дѣло должно вылупиться изъ яичка существующаго земскаго и городскаго самоуправленія. Земцы насъ, какъ вы помните, обнадеживаютъ относительно демократизма учредительнаго собранія, ибо въ самомъ земствѣ какія то весталки доселѣ поддерживаютъ демократическій огонь. А помимо того, учредительное собраніе носитъ временный характеръ — это намъ не преминули сообщить, очевидно, въ тѣхъ видахъ, чтобы мы знали, что ошибки его будутъ поправлены слѣдующими уже законодательными собраніями. Итакъ, у законодательныхъ собраній вполнѣ развязаны руки, и въ нихъ сможетъ выразиться вся воля всего населенія, можетъ быть, *даже и по земскимъ предположеніямъ*, не нашедшая своего овеществленія въ учредительномъ собраніи?

На этотъ счетъ у земцевъ проскользнулъ — именно проскользнулъ — любопытный отвѣтъ. Говорятъ они, что въ програму „совершенно нѣтъ надобности вводить перечень всѣхъ очередныхъ нуждъ и задачъ русскаго народа во всѣхъ возможныхъ областяхъ жизни“, и комментируютъ это такимъ образомъ:

> „Связать этимъ кого бы то ни было, опредѣлить направленіе законодательной дѣятельности будущаго представительства — мы все равно не могли бы въ большей степени, чѣмъ направленіе это опредѣляется уже самымъ устройствомъ представительства, и *чѣмъ само устройство представительства опредѣляется способомъ его введенія въ жизнь* (курс. нашъ).“

Слышите, теперь уже какъ звучитъ этотъ способъ введенія въ жизнь? Онъ уже оказывается не такой ничтожностью, — ему всѣ книги въ руки даны! Онъ опредѣлитъ будущія судьбы Россіи, онъ поставитъ въ зависимость отъ себя соціальныя реформы! То есть, иначе сказать, и въ созданіи новаго строя политическихъ отношеній, и въ проведеніи соціальныхъ реформъ вотъ эти господа, раскинувшіе теперь свои палатки для торга съ правительствомъ, должны будутъ пріобрѣсти доминирующее значеніе (т. е. льстятся на это)!

Хорошо, посмотримъ же сначала, какъ они относятся къ будущему политическому строю. Для насъ условіемъ, за которое мы будемъ бороться и умирать, является *всеобщее, равное для всѣхъ, ни на какомъ цензѣ не основанное избирательное право.* Земецъ же говоритъ о *„безсословномъ народномъ представительствѣ“*, что, конечно, не обозначаетъ всеобщаго избирательнаго права: даже и свое теперешнее земство онъ именуетъ безсословнымъ, и безсословнымъ съ его точки зрѣнія явится всякое представительство, если будутъ выборы и отъ дворянъ, и отъ крестьянъ, и отъ мѣщанъ, но только все это скроется подъ цензомъ въ такихъ то размѣровъ недвижимой собственности, капитала и жалованья. Мало того: въ письмѣ конституціоналистовъ есть матеріалъ, по которому

очень ясно, безъ всякихъ натяжекъ можно вывести враждебное отношеніе буржуазіи къ всеобщему избирательному праву, и предвосхитить ея аргументы contra. Выдвинувъ „безсословное народное представительство", земцы говорятъ:

> „Болѣе подробное опредѣленіе характера этого представительства, его отношенія къ избирателямъ, къ прерогативѣ и министерству, какъ мы сказали выше, должно послужить предметомъ особаго обсужденія, при которомъ нельзя обойтись безъ техническихъ деталей и *принципіальныхъ споровъ* (курс. нашъ.). Здѣсь болѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимъ предварительный обмѣнъ мнѣній, которому программа, подобная настоящей, обязана предоставить извѣстный просторъ. Предварять результаты подобнаго обсужденія въ настоящей программѣ было бы и безполезно — потому, что только при выработкѣ основного закона о народномъ представительствѣ это обсужденіе могло бы получить практическое значеніе. Между тѣмъ такая выработка есть уже *второй* шагъ политической реформы. Здѣсь намъ предстоитъ сговорится прежде всего о *первомъ* шагѣ, т. е. о томъ, какъ создать самый органъ, которому могла бы быть поручена выработка основного закона. *Этотъ* очередной вопросъ, какъ сказано выше, *долженъ* быть поднятъ въ программѣ, и то или другое рѣшеніе его должно быть намѣчено, *если программа хочетъ выйти изъ отвлеченностей* (курс. нашъ) и стать на почву практическаго разрѣшенія вопроса о реформѣ (всѣ остальные курсивы земцевъ)."

Обмѣнъ мнѣній и просторъ для каждаго мнѣнія — вещи очень хорошія. Но тутъ рѣчь идетъ не о состязаніи частныхъ мнѣній по частному вопросу, и „принципіальные споры" опредѣляются не расхожденіемъ въ деталяхъ и не несогласіемъ въ технической постановкѣ вопросовъ. Тутъ сталкиваются классовыя мнѣнія; въ интересахъ трудового населенія Россіи существуетъ *только одно рѣшеніе*: всеобщее избирательное право; въ предѣлахъ этого вопроса могутъ быть, если угодно такое выраженіе, и принципіальные споры о конкретизированіи *всеобщаго избирательнаго права*, но споръ не можетъ въ средѣ пролетаріата и его идеологовъ выйти *за* предѣлы этой аксіомы-отвѣта. Земцы не объявляютъ о своемъ признаніи всеобщаго избирательнаго права. Для нихъ — это второй шагъ, еще подверженный принципіальнымъ диспутамъ; для нихъ это „отвлеченность"; для насъ это такой же первый шагъ, какъ и борьба съ царизмомъ, ибо нельзя и нѣтъ смысла воевать, не зная за что, и для насъ это отнюдь не отвлеченность, а наиконкретнѣйшее требованіе сегодняшняго дня, одна изъ базъ нашего стремленія къ политической революціи.

Что земцы уже даже предрѣшаютъ отрицательное отношенiе къ всеобщему избирательному праву, это видно изъ ихъ построенiя учредительнаго собранiя. Останавливаясь, якобы по необходимости, на земствахъ и думахъ, земцы говорятъ, что иначе пришлось бы впутать администрацiю въ выборы, а

„предоставить рѣшенiе даже и *этого* (курс. земцевъ. Т. е. неважнаго, что ли, по сравненiю съ другими? Л. Н.) вопроса бюрократiи — пишутъ земцы, фальсифицируя себѣ на успѣхъ подходящiй аргументъ — значило бы рисковать успѣхомъ всей реформы. Создать канцелярскимъ путемъ какiя бы то ни было новыя избирательныя коллегiи для выбора обществомъ людей, призванныхъ осуществлять реформу, — значило бы начать съ нарушенiя одного изъ самыхъ основныхъ принциповъ реформы. *По необходимости приходится слѣдовать историческимъ прецедентамъ и отдать эту подготовительную работу въ руки представителей существующихъ учрежденiй общественнаго самоуправленiя* (курс. нашъ).“

Вотъ тотъ вороненокъ, изъ котораго скоро же выростетъ воронъ! Правительство виновато теперь, и благодаря ему нельзя ставить вопроса о всеобщемъ избирательномъ правѣ. Потомъ къ тому же правительству — старая исторiя — будетъ прибавлено народное невѣжество, неосмысленность, нищета, неимѣнiе собственности, какъ стимула для защиты правового порядка, и т. д. Если не хватитъ своей сметки, то богатый опытъ Западной Европы — разные „историческiе прецеденты“ — подскажутъ, какъ изворачиваться въ аргументацiи.

Такимъ образомъ, вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ внесенъ въ сферу „второго шага“, относительно котораго земцы успѣли уже нарисовать свою кривую, колесящую подальше отъ пути пролетарiата. Они — господа учредительнаго собранiя, господа законодательныхъ, еще разъ повторимъ, и они будутъ ко благу Россiи рѣшать вопросъ о соцiальныхъ реформахъ.

Что же по этому вопросу сказано въ ихъ программѣ?

„*Еще менѣе смысла имѣло бы поднимать въ настоящемъ заявленiи* (курсивъ нашъ) вопросы о тѣхъ законодательныхъ задачахъ, рѣшенiе которыхъ предстоитъ будущему органу русскаго народнаго представительства. Экономическiя, финансовыя, культурно-просвѣтительныя, административныя реформы, рабочее законодательство и аграрный вопросъ, децентрализацiя и переустройство мѣстнаго самоуправленiя,— всѣ эти и подобные имъ вопросы, выдвинутые русской жизнью, составляютъ *неисчерпаемый матерiалъ* (курс. нашъ) для будущей законодательной дѣятельности представительнаго органа. Въ процессѣ политической реформы эта дѣятельность составляетъ уже *третiй* и послѣд-

ній шагъ, послѣ созыва учредительнаго органа и выработки основного закона. Безъ сомнѣнія, по всѣмъ перечисленнымъ вопросамъ въ земской средѣ уже имѣются свои опредѣленныя идеи, большей частью совпадающія съ идеями русской интеллигенціи. Конечно, насколько позволяютъ обстоятельства, и земства, и печать, и русское общество вообще занимаются рѣшеніемъ всѣхъ этихъ вопросовъ, не дожидаясь пока наступитъ время коренной политической реформы. Но именно, по самой этой причинѣ, въ программу, подобную настоящей, то есть выставляющую исключительно *политическія* требованія, *совершенно нѣтъ надобности* (курс. нашъ) вводить перечень всѣхъ очередныхъ нуждъ и задачъ русскаго народа во всѣхъ возможныхъ областяхъ жизни". (Не отмѣченные курсивы принадлежатъ земцамъ).

Такъ. Вопросъ о соціальныхъ реформахъ это третій шагъ, и онъ разрабатывается „поскольку позволяютъ обстоятельства" и въ земствахъ, и въ печати, и въ обществѣ. Разрабатывается, конечно, далеко не всегда такъ, какъ его разрабатываютъ разные доктринеры-соціалисты, и какъ понимаютъ народныя массы съ ихъ эгоистическими и классовыми интересами. А затѣмъ этотъ вопросъ представляетъ „неисчерпаемый матеріалъ" для государственной дѣятельности—того самаго „положительнаго государственнаго творчества", о которомъ г. Струве читалъ у Лассаля и потомъ пропускалъ черезъ земскій фильтръ. Ну, а такъ какъ въ числѣ методовъ дѣятельности, опредѣляемыхъ способомъ введенія въ жизнь представительства, есть и методъ вычерпыванія моря ковшомъ, то, понятно, это не слова, что вопросы о соціальныхъ реформахъ явятся „неисчерпаемымъ матеріаломъ". Рабочимъ, крестьянамъ и соціалистамъ-доктринерамъ придется только смотрѣть, какъ устроители и законодатели судебъ Россіи все черпаютъ, все черпаютъ и даже, съ позволенія сказать, хорошей лохани не начерпаютъ... И тѣмъ не менѣе мы все должны ввѣрить земцамъ и поставить наше будущее подъ охрану — чего бы вы думали? „Земскихъ традицій и духа времени" — вотъ какъ значится въ письмѣ русскихъ конституціоналистовъ!

Къ земскимъ традиціямъ, конечно, не относится фактъ ходатайства полтавскихъ либеральныхъ земцевъ передъ министромъ о болѣе энергичномъ усмиреніи крестьянъ или проекты о постройкѣ каторжныхъ домовъ для рабочихъ, караемыхъ за „ волненія "... Это надо забыть, а надо только помнить, что земцы великолѣпно постигаютъ духъ времени : они противъ всякихъ эгоистическихъ и классовыхъ интересовъ, они знаютъ, что эти интересы — враги культуры, они за... прогресъ. И объ этомъ прогрессѣ они хотятъ изъ Монтескье и Руссо, изъ Мирабо и Сіэйса, изъ Magna Charta libertatum и Habeas Corpus, изъ Деклараціи Правъ Человѣка и

Гражданина взять всѣ самыя пышныя фразы и написать хартію русской свободы. Такъ и сказано: „хартія!“ въ письмѣ русскихъ конституціоналистовъ:

„Чѣмъ новѣе и необычнѣе для сложившагося порядка признаніе элементарныхъ политическихъ и личныхъ правъ населенія, тѣмъ, очевидно, необходимѣе спеціальное и торжественное провозглашеніе этихъ основныхъ принциповъ всякой развитой политической жизни — верховной властью. Вотъ почему мы полагаемъ, что и въ русской хартіи соотвѣтствующая глава не можетъ отсутствовать, если только этой хартіи суждено имѣть *принципіальный* характеръ (курс. земцевъ).“

Каемся. Мы было сказали въ нашей статьѣ, что гг. Струве и пасомое ими (или пасущее ихъ?) стадо выкидываютъ за бортъ всякія „доктрины“. А хартія то? Весь 1789 годъ отъ зависти въ гробахъ проснется, а старый бостонскій вязъ свободы зашумитъ своей листвой, чтобы... заглушить свистъ россійской лозы, по прежнему гуляющей по казеннымъ частямъ бунтующаго невѣжественнаго мужичья, руководящагося классовыми и эгоистическими интересами, когда уже провозглашенъ „прогресъ и порядокъ“!...

* *
*

Но не будемъ забѣгать впередъ въ область неяснаго, закрытаго отъ насъ крыльями нашихъ ангеловъ-хранителей — земскими демократическими тенденціями и духомъ времени. Подведемъ лучше итоги ясному намъ.

1) Что земцы дѣлаютъ или обѣщаютъ дѣлать въ смыслѣ борьбы съ правительствомъ? Если не считать сотрудничества въ „Освобожденіи“, поддержку его денежными средствами, вѣроятно, еще какими либо услугами, фрондерства во время товарищескихъ обѣдовъ, какихъ нибудь рѣчей на земскихъ собраніяхъ съ намеками, непонятными самимъ авторамъ, — если не считать этого, то нѣтъ фактовъ, которые могли бы быть отмѣчены, какъ борьба съ правительствомъ*). Въ будущемъ сулится дѣятельность по равнодѣйствующей между скромными желаніями и пылкими опасеніями за земскую шкурку.

2) Чего земцы добиваются? Устройства народнаго представительства — это первый шагъ ихъ платформы. Что это должно быть представительствомъ буржуазіи — это ясно изъ всѣхъ приведенныхъ нами цитатъ. Желательно имъ взять въ свои руки и устройство новаго политическаго быта Россіи, и проведеніе тѣхъ соціальныхъ реформъ, которыя нужны *съ ихъ* точки зрѣнія, а не съ точки зрѣнія классовыхъ интересовъ трудоваго населенія.

---

*) Сельскохозяйственныя совѣщанія, взятыя въ цѣломъ, не представляютъ собой никакого исключенія въ революціонномъ смыслѣ.

Претензіи у земцевъ не малыя — какъ будто немного не по росту ихъ собственной борьбѣ! Но, очевидно, они считаютъ свою позицію выгодной, считаютъ закономъ достаточнаго основанія для своихъ претензій просто угрожающія ссылки на растущій народный мятежъ. Но, господа, хорошо ли вы знаете, *что такое* этотъ мятежъ?

На крестьянскія волненія вы смотрите, какъ на отчаянный порывъ затравленныхъ и въ конецъ раздраженныхъ рабовъ. Хорошо, но эти рабы — они развѣ успокоятся при провозглашеніи „правопорядка"? Они, по вашему, принадлежатъ къ тѣмъ сферамъ, удовлетворить которыя имѣется въ виду самымъ фактомъ устройства органа народнаго представительства? Неужели вы думете, что „недоразумѣніе между правительствомъ и народомъ", выразившееся въ аграрныхъ безпорядкахъ, сейчасъ же превратится въ гармонію отношеній между мужикомъ и помѣщикомъ, какъ только провозгласится „правопорядокъ"? Не полагаете ли вы что ликвидировать это „недоразумѣніе" возможно и нужно будетъ при — о, ужасъ! — нарушеніи „элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права"? Входитъ ли въ ваше „положительное государственное творчество" секуляризація всѣхъ частновладѣльческихъ земель, заложенныхъ въ государственныхъ ипотечныхъ учрежденіяхъ, всѣхъ удѣльныхъ, церковныхъ, монастырскихъ земель для образованія вмѣстѣ съ государственными фонда для раздачи въ долгосрочную аренду крестьянству? Въ вашихъ ли видахъ взысканіе всѣхъ недоимокъ и платежей, накопившихся за дворянскимъ землевладѣніемъ государству и земству? Въ вашихъ ли видахъ уничтоженіе всѣхъ льготъ дворянскому землевладѣнію и уничтоженіе всякихъ субсидій ему? Въ вашихъ ли интересахъ уничтоженіе *всякихъ* сервитутовъ, пропинацій, всего того, что ставитъ въ зависимость отъ землевладѣльца земледѣльческое существованіе? Въ вашихъ ли интересахъ регулированіе арендныхъ цѣнъ спеціальными законами? Въ вашихъ ли видахъ постановка широкаго государственнаго кредита крестьянскимъ семьямъ, арендующимъ землю изъ государственнаго фонда или ту, которую нельзя будетъ отчудить у помѣщиковъ и кулаковъ?

Это все диктуется эгоистическими интересами мужика. Все это очень далеко отъ нашихъ соціалистическихъ „доктринъ" и „утопій", которыя срываютъ съ основанія капиталистическій строй; здѣсь нѣтъ подрыва основъ капитализма, это всего на всего программа-минимумъ. Ясна она или не ясна мужику, но онъ рвется за землю, и грудью и кровью будетъ стоять за такую программу, а мы съ своей стороны считаемъ своимъ долгомъ нести въ деревню ее, т. е. то самое, что вы назовете не иначе, какъ „непониманіемъ элементарнѣйшихъ основъ гражданскаго права". По швамъ затрещатъ ваши элементарнѣйшія основы — въ этомъ мы увѣрены такъ же, какъ въ томъ, что кресть-

янскія волненія прокатятся по всей Россіи и поставятъ подъ оружіе всю крестьянскую трудовую массу!...

Мы, конечно, понимаемъ, что по отношенію къ крестьянамъ въ виду крайняго раззоренія страны, въ виду азіатскаго, кабальнаго характера нашихъ экономическихъ условій, буржуазія пойдетъ на кое-какія экстра-ординарныя уступки, тѣмъ болѣе, что и теперь довольно рѣзко уже сказываются коллизіи между промышленной и аграрной буржуазіей. Но для насъ тоже внѣ всякихъ сомнѣній, что мѣра уступокъ будетъ чрезвычайно скупой — она будетъ слишкомъ далека отъ программы-минимумъ нашей партіи, отъ неотложныхъ потребностей крестьянства.

А рабочіе? Вы имъ тоже предлагаете „неисчерпаемый матеріалъ“ будущихъ реформъ? Не думаете ли вы, что вамъ могутъ сказать: то ли дождикъ, то ли снѣгъ, то ли будетъ, то ли нѣтъ? Не полагаете ли вы, что рабочему нужно дѣйствительное, а не на вашемъ словѣ основанное представительство его интересовъ? Не кажется ли вамъ, что рабочій сейчасъ же потребуетъ вмѣстѣ съ конституціей восьмичасового рабочаго дня и свободы стачекъ, о чемъ вы характерно умалчиваете въ вашемъ заявленіи? Да и помимо этихъ требованій, не полагаете ли вы, что у рабочаго найдутся и другія, которыя ему надо осуществить сейчасъ же, а не тогда, когда будетъ черпаться неисчерпаемый матеріалъ?

И если, такимъ образомъ, для волнующихся трудовыхъ слоевъ населенія страны нѣтъ раздѣленія между вашими первымъ, вторымъ и третьимъ шагами — какой отсюда слѣдуетъ выводъ? То есть, если для нихъ устройство представительныхъ учрежденій неразрывно связано съ всеобщимъ избирательнымъ правомъ и рядомъ соціальныхъ реформъ? Что въ этомъ случаѣ вы скажете рабочимъ и крестьянамъ: „не догнать тебѣ бѣшеной тройки“? Вашей то тройки?! Экая птица-тройка! При вашемъ безсиліи цѣнны ли народу ваши раздѣленія на три шага!... Послушайте ка, господа земцы, г. Струве — онъ и по Марксу, и по Лассалю изучалъ пролетаріатъ, и съ буржуазной философіей и „критикой“ визитировалъ въ рабочій вопросъ, и убѣждалъ рабочихъ (хоть, и увы, безуспѣшно) подавать прошенія на высочайшее имя о помилованіи — онъ какъ ни какъ знаетъ, чѣмъ пахнетъ рабочій порохъ, и можетъ дать очень недурное предостереженіе буржуазіи. Какъ мы *отъ васъ* предостерегаемъ рабочихъ, такъ и онъ *васъ* предостерегаетъ *отъ рабочихъ* Послушайте же его, а мы съ величайшимъ удовлетвореніемъ для себя выпишемъ строки г-на Струве о рабочихъ изъ „Освобожденія“:

„Хожденіе въ народъ 70-хъ годовъ, этотъ великій, незабываемый идеалистическій порывъ русской молодежи, отплачивавшей свой долгъ народу, не удалось революціонерамъ того времени. Рабочее движеніе современности являетъ намъ совершенно иную картину. Что бы мы ни думали объ его пос-

лѣднихъ упованіяхъ, какъ бы мы ни считали отдаленными его конечныя цѣли, какъ бы низко мы ни оцѣнивали уже достигнутые имъ успѣхи, — соціалистическое движеніе, *свидѣтелями и современниками котораго суждено быть намъ,* (почему, г. Струве, вы не добавляете: и фальсифицировать науку для котораго должны мы?) несомнѣнно разрѣшило свою задачу: въ промышленномъ рабочемъ оно нашло народъ. Голоса радикальной интеллигенціи 70-хъ гг. пропали, на нихъ не оказалось народнаго отклика. Современной соціальдемократіи въ этомъ отношеніи посчастливилось: *придя во время, она нашла откликъ въ массѣ, и этотъ откликъ будетъ становиться все громче и сознательнѣе.* Какъ правительство не смогло запугать интеллигенцію, такъ еще менѣе сможетъ оно запугать цѣлый классъ народа, проснувшійся къ сознанію. Безнадежны также попытки подкупить эту историческую силу и своротить ее съ естественнаго пути самосознательной и самодѣятельной защиты своихъ интересовъ. (Г. Струве! Перечитайте это мѣсто и для собственнаго назиданія. Л. Н.) *Никакими, ни пустыми, ни серьезными уступками нельзя отклонить рабочій классъ отъ того, чтобы онъ съ растущей энергіей думалъ, говорилъ и поступалъ по своему, а не по указкѣ правительства* (и не тройки буржуазныхъ интересовъ — прибавьте, г-нъ Струве!). Огромное значеніе рабочаго движенія для политическихъ судебъ нашей страны заключается въ томъ, что въ столѣтній политическій споръ русской интеллигенціи съ правительствомъ, въ лицѣ рабочаго класса, наконецъ, активно и сознательно вступается народъ. Онъ проснулся къ свободѣ, *онъ требуетъ ея, и онъ возьметъ ее.*" (Всѣ курсивы наши).

Слышите: *онъ возьметъ ее*! Возьметъ ее и у правительства, какъ оно есть теперь, и у правительства, обросшаго вашимъ представительствомъ и утучненнаго вашими услугами — это все равно. Если вамъ слово „возьметъ“ непонятно (Берне говорилъ, что воловью шкуру не прошибешь вишневыми косточками), то есть другое болѣе ясное слово: *вырветъ*—изъ чьихъ угодно рукъ и раздавитъ своихъ враговъ. Вы—видите, онъ борется, въ борьбѣ растетъ и закаляется его сила, а силой онъ куетъ себѣ право. Зачѣмъ ему ваши деклараціи правъ, когда ему нужна не декларація, а реализація? Что ему ваше честное слово, ручающееся за демократизмъ, когда онъ ищетъ формъ и гарантій этого демократизма? Что ему неисчерпаемый матеріалъ, когда онъ хочетъ сейчасъ исчерпать все, что дозволитъ ему его сила? Откуда у васъ взялось столько безстыдства и непроходимой наглости, чтобы великодушничать какими то амнистіями? Вносите проектъ въ будущее народное собраніе объ амнистіи уголовнымъ преступникамъ

изъ какой нибудь новой лукояновской эпопеи, молите о пощадѣ и прощеніи помѣщиковъ, составляющихъ списки крестьянамъ, которыхъ надо высѣчь или сослать, молите о помилованіи тѣхъ либераловъ изъ общества, которые устами творятъ либеральный стихъ и радикальную молитву и въ то же самое время состоятъ на какой нибудь двусмысленной службѣ у правительства, считая это вопросомъ „мѣстнаго удобства“ и „законнаго компромисса“! Для нихъ просите амнистіи у народа, и народъ-побѣдитель, народъ-революціонеръ вамъ дастъ ее! Тамъ, гдѣ народъ — революціонеръ, и совершается революція, тамъ не можетъ быть никакихъ амнистій за прошлое, ибо это прошлое сметается такъ, что отъ него синь-пороха не остается!

А теперь народъ — революціонеръ! Онъ не реформаторъ. Его дѣятельность опредѣляется не синтезомъ запаховъ придворныхъ прихожихъ и крохотныхъ дерзновеній мелкихъ душенокъ; онъ никогда не зналъ и никогда не умѣлъ нашивать латки на лакейскую ливрею изъ стараго плаща Чайльдъ-Гарольда, тоскующаго о свободѣ. Онъ рабъ или властелинъ, онъ или подъяремный волъ, или борецъ, или тянетъ заунывныя пѣсни о неволѣ, или могучимъ голосомъ и всею грудью поетъ гимнъ свободѣ. Теперь онъ не рабъ — онъ революціонеръ. И вы смѣете шляться по прихожимъ писать контракты на его волю, на его душу? Только что онъ проснулся, первый кличъ его борьбы весенними раскатами пронесся по Россіи, пролились потоки крови гражданъ, идущихъ на смерть за свободу — и вы сейчасъ же встрепенулись и по всему вашему лагерю заорали: сарынь на кичку! писать контракты на народъ! Всякій червякъ гомозится у труповъ убитыхъ бойцовъ, извлекая для себя пользу изъ пролитой крови! Стремится этой чужою кровью написать запродажную запись правительству! Кровь для записи, чернила для хартіи. *Вы* будете, господа, писать хартіи? Напишутъ ихъ и безъ васъ, и —

Тамъ на хартіи написаны,
Власъ грѣхи свои прочелъ!

Нужно ли вамъ говорить какіе? Сами знаете. Знайте же такъ же твердо и прочно, что народъ-революціонеръ не выбралъ васъ ни въ какіе маклера, и самъ напишетъ свою программу и воплотитъ ее въ жизнь!..

Поэтому, если вамъ угодно лѣзть на торги съ правительствомъ, то не смѣшите вы вашими римскими легендами самыхъ тупоголовыхъ околоточныхъ надзирателей, сбросьте съ себя пышную тогу patres patriae, одѣньтесь въ посконный костюмъ и тяните заунывнымъ голосомъ:

Слѣ - пень - ко - му се - ми - точ - ку!..

Но, господа либералы, неужели вы такъ таки и не въ состояніи примѣтить, что никакой семиточки вамъ не подадутъ, — это

разъ, а во вторыхъ, что, если она нужна *вамъ*, то *народу* нужно совсѣмъ другое — не реформа, а революція? И долго ли вы будете сомнѣваться, что эта революція и неизбѣжна, и стоитъ уже совсѣмъ въ преддверіи русской жизни? Мы надѣемся, что ростъ чудовищной правительственной реакціи, отстаивающей „право“ престола на существованіе, и грандіозный потокъ народныхъ волненій, съ неудержимой силой катящихся на дворецъ, уже заливающихъ его ступени, уже бьющихся объ его окна, уже брызгающихъ на корону и порфиру, — мы надѣемся, что эти факты пробудятъ въ васъ дѣйствительный политическій тактъ, дѣйствительно трезвое и здоровое пониманіе вещей такими, каковы онѣ есть. И въ этой надеждѣ мы обращаемся къ вамъ съ безсмертными словами Ледрю-Роллена:

„Итакъ, если могучая сила событій внезапно открыла имъ глаза, — пусть вступаютъ они въ наши ряды, но пусть и не думаютъ о томъ, чтобы човолѣвать нами, или управлять нашимъ движеніемъ, — пусть они идутъ подъ народнымъ знаменемъ, но пусть они не покушаются нести его. При малѣйшемъ потрясеніи они смутятся и, вопреки своему желанію), возвратятся къ воспоминаніямъ всей своей прошлой жизни, и ослабятъ народное представительство нерѣшительностью и компромиссами“.*

* *
*

Само собою разумѣется, адрессуя къ либераламъ слова Ледрю-Роллена „пусть они вступаютъ въ наши ряды“, мы меньше всего имѣемъ въ виду *буквальное* толкованіе этихъ словъ. Подъ фактомъ вступленія мы понимаемъ болѣе радикальный характеръ и мнѣній, и дѣйствій оппозиціонной среды. Реформа неизбѣжна — пишетъ г. Профессоръ въ 10 № „Освобожденія“ —; *если* (курсивъ нашъ) ее не произведутъ сверху, она пойдетъ снизу“; и дальше г. профессоръ выражаетъ увѣренность, что у правящей бюрократіи *есть еще возможность* (курсивъ нашъ) произвести ее сверху“; такой же увѣренностью проникнуто и большинство и руководящихъ, и корреспондентскихъ статей въ „Освобожденіи“. Первый шагъ „вступленія въ наши ряды“ долженъ состоять въ рѣшительномъ отрицаніи реформъ сверху, въ усвоеніи твердаго убѣжденія, что для нихъ уже миновала всякая пора. „Хорошо ли служитъ г-нъ Плеве своему Государю“, какъ съ укоризной замѣчаетъ г. Струве (№ 13 „Осв.“), или плохо, разыгрывается ли конфликтъ между гг. Витте и Плеве, или все обстоитъ благополучно въ министерствахъ, это въ настоящее время должно представлять слишкомъ незначительный интересъ для русскаго либерализма. Земскій гласный г. Т., помѣстившій въ № 7 „Освоб.“ блестящую статью подъ заглавіемъ „Мирная оппозиція или революціонная борьба?“ и давшій отвѣтъ въ послѣднемъ смыслѣ, — очень ясно

*) Тутъ надо добавить, что не только „вопреки“.

формулировалъ положеніе вещей: „конституціи не выпрашиваютъ, а берутъ". „Необходимо покончить съ робкими полумѣрами легальной оппозиціи" — справедливо замѣчаетъ онъ.

Совершенно напрасно г. Гласный, выступившій „голосомъ изъ земства" (№ 12) склоненъ объяснять взгляды г-на Т. „впечатлительнымъ темпераментомъ". Тутъ дѣло не въ пылкости, не въ „нервности", особенно взвинтившейся послѣ избіенія на площадяхъ, а въ здравомъ пониманіи вещей, въ презрѣніи къ фразѣ. Г. Гласный можетъ написать, что „для полнаго курса моего (т. е. его) политическаго воспитанія вполнѣ достаточно прочно сложившагося убѣжденія въ совершенной несовмѣстимости самодержавнаго строя съ современными потребностями русскаго общества", и внѣдривши въ себя такое убѣжденіе, онъ будетъ стоять предъ „отдѣльными проявленіями деспотизма" само большее съ елейными восклицаніями „Ахъ, Васька плутъ, ахъ Васька воръ!" и съ легкой фрондой — и это ему будетъ казаться „долгой и упорной борьбой", исполненіемъ какой то „ганнибаловой клятвы"... Г. Мужикъ (№ 9 „Освоб.") по поводу того, *что* приходится подъ давленіемъ условій продѣлывать легальной печати, будетъ писать: „это такой развратъ, такое растлѣніе, такая проституція мысли и нравственнаго начала, что за человѣка страшно дѣлается! Мы оправдываемъ себя тѣмъ, что «лучше сдѣлать мало, чѣмъ ничего», но это ложь (слышите, господа: ложь! Л. Н.): если мы и дѣлаемъ «малое», то оно все, безъ остатка, уничтожается нами же, тонетъ въ той массѣ лжи, гадости, подлости, которой мы являемся участниками и пособниками"... Великолѣпныя строки, золотыя слова! И все же это участничество и пособничество во имя „малаго" доходя вплоть до подхалимства, до „современной идиліи" съ Кшепшецюльскими, съ дѣловымъ видомъ пробирается по жизни, и разные гг. Струве все очищаютъ отсюда добрые элементы... И очищаютъ съ такимъ гордымъ и величественнымъ видомъ — точно и въ самомъ дѣлѣ творятъ какую органическую культурную работу! Г-дамъ Струве „претятъ (скажите пожалуйста! Л.Н.) оппортюнистическія сдѣлки, въ которыхъ на алтарь успѣха приносятся въ жертву не подлежащія спору и умаленію принципы и требованія нравственно-политическаго сознанія"(сколько смѣлости надо, чтобы пускать по вѣтру такія слова!), но

„въ нравственно-политической чистотѣ ‚аскетовъ - хранителей общественныхъ идеаловъ' (сокрушительная насмѣшка! Л. Н.), въ политическомъ «столпничествѣ» мы не находимъ моральнаго удовлетворенія, — и, ошибочно или нѣтъ, но мы ищемъ и находимъ такое удовлетвореніе въ искушеніяхъ, соблазнахъ и опасностяхъ тѣхъ путей, которые такъ часто съ презрѣніемъ обзываютъ «оппортюнистическими». Мы «міряне» и хотимъ оказаться въ исторіи не

праведниками, а правыми, мы желаемъ быть не только борцами, но и побѣдителями (№ 15 „Освоб.")".

Великолѣпно, господа, — и каждый, не занятый работой данаидъ, того же желаетъ. Но позвольте вамъ напомнить ядовитый сарказмъ Паскаля: leur regle n'est pas de parler juste, mais de faire de figures justes — въ ихъ обычаѣ не говорить справедливое слово, но строить вѣрныя фигуры рѣчи! Это въ вашемъ обычаѣ. Какая цѣна красивымъ и громкимъ словамъ при дѣяніяхъ, результаты которыхъ такъ мѣтко очертилъ г. Мужикъ? Вотъ именно для того, чтобы не остаться „столпниками", чтобы проявить себя не на словахъ, а на дѣлѣ „мірянами" — для этого нужно выступить радикалами, послѣдовать дѣйствительно „политически-мудрымъ совѣтамъ" г. Т. Это неизбѣжно при современномъ положеніи вещей, дышащемъ и живущемъ революціей, носящемъ въ себѣ неизбѣжную погибель монархіи.

Г. Т. говоритъ, что „самый выборъ средс-въ борьбы, всѣ частности боевой программы должны быть установлены въ кругахъ лицъ, которымъ предстоитъ дѣйствовать. Поэтому я на нихъ не останавливаюсь". Мы, конечно, имѣемъ еще меньше и нужды, и возможности останавливаться на подобнаго рода вопросѣ. Соціальдемократія — партія пролетаріата; въ борьбѣ послѣдняго нѣтъ ни широкихъ плановъ, ни микроскопическихъ мелочей, которыя намъ не приходилось бы разсматривать въ самой детальной конкретности. Что касается всякаго рода оппозиціонныхъ слоевъ наше дѣло — помощь ихъ общему революціонизированію, но эта помощь никогда не можетъ проявляться въ *нами* составленной конкретной программѣ *для нихъ*. Это было бы чистѣйшимъ оппортюнизмомъ: яснѣе яснаго, что буржуазіи — и въ демократической сферѣ, конечно—мы не можемъ предложить того, что предлагаемъ пролетаріату, не можемъ звать на то, на что зовемъ его; не можемъ, ибо тутъ и разные интересы, и разная психологія, и разная степень возбужденія силъ. Равнымъ образомъ мы не въ состояніи и подходить, все объективно взвѣсивши, къ maximum'у того тона, который въ состояніи взять либеральная буржуазія. У насъ тонъ только одинъ — и тонъ высокій, слово только одно — и слово большое. Что мы можемъ — это намѣчать общія директивы, разъяснять смыслъ борьбы, поддерживать—и тѣмъ усиливать и развивать — наиболѣе революціонныя формы протестовъ оппозиціи. А выработать ихъ — это ужъ дѣло ея, всѣхъ тѣхъ, которые дѣйствительно хотятъ сыграть роль „мірянъ" радикализма. Жизнь ихъ призываетъ на революціонные протесты — и будетъ хорошо, если г. Струве вложитъ дѣйствительный революціонный смыслъ въ свой призывъ:

„Живъ человѣкъ, отзовись!"

Наше отношеніе къ либераламъ должно обусловиться всецѣло

ихъ способомъ дѣйствій. Какъ то въ газетахъ намъ попалось одно извѣстіе, которое мы невольно вспоминаемъ сейчасъ:

„...Нѣсколько рыбаковъ на Рейскарискомъ плесѣ, около Брагестада, видѣли, какъ большой морской орелъ стремглавъ спустился съ высотъ на ближайшую мель. Спустившись, орелъ, видимо, не могъ подняться, отчаянно началъ бить крыльями и поднялъ сильный шумъ. Рыбаки подумали было, что орелъ запустилъ когти въ большую, не по силамъ, рыбу, но подъѣхавъ ближе, увидѣли, что орелъ впился когтями въ спину тюленя, который послѣ продолжительной и жестокой борьбы увлекъ птицу въ воду".

Либеральный тюлень, положимъ, не увлечетъ насъ въ воду: „Искра" и „Заря", въ свое время такъ родительски опекавшія либераловъ, соблазнявшія ихъ корреспондентскими ролями, предлагавшія имъ, бѣднымъ и немощнымъ, не могущимъ даже напечатать листочковъ, щедрую революціонную подмогу, мило привѣтствовавшія предводителей дворянства, какъ завтрашнихъ союзниковъ, отечески-добродушно журившія ихъ за „Россію наканунѣ XX вѣка", — „Искра" и „Заря" измѣнили свой тонъ съ выходомъ „Освобожденія", очистили его отъ самой близкой „руководительской" опеки надъ либералами... Какъ будто исчезла уже та нота, которая сбивалась чуть-чуть что не на панибратство, и осталось одно рѣзкое и отчетливое указаніе того, на что обязываетъ положеніе оппозиціи... Когда рѣчь шла о союзѣ съ буржуазной демократіей для изданія „Новаго Слова", и когда рѣчь идетъ объ этомъ союзѣ въ связи съ широкой борьбой пролетаріата — положеніе вещей различное: нельзя даже и сравнивать потери отъ каждаго ложнаго шага въ томъ и другомъ случаѣ... „Искра" и „Заря" первое время говорили такъ, какъ будто рѣчь идетъ опять о „Новомъ Словѣ", теперь, повторяемъ, какъ намъ кажется, съ выступленіемъ г. Струве онѣ (т. е. „Искра", новаго № „Зари" еще нѣтъ) начинаютъ брать вѣрный тонъ.

Но если либеральный тюлень и не увлечетъ насъ въ воду, то все же, очевидно для каждаго, что намъ нѣтъ никакого смысла трудиться надъ подыманіемъ его вверхъ: тюлень есть только тюлень, и не великъ его счетъ въ политической борьбѣ. Намъ нужно дождаться дѣйствительно радикальныхъ дѣйствій буржуазной среды — и имъ мы обязаны во имя нашихъ интересовъ прійти на помощь.

Судя по тому, что революція лежитъ въ промышленныхъ интересахъ страны, мы имѣемъ основанія ожидать, что обширный слой мелкой буржуазіи и въ жизни, и въ литературѣ выдвинетъ радикальный оппозиціонный элементъ. Если онъ такъ туго выдвигается, то это въ силу общей малокультурности буржуазіи и трудности выступить организованно въ жизни, гдѣ всегда былъ

слишкомъ слабъ общественный починъ организаціи и чрезвычайно сильна казенщина всѣхъ отношеній. Радикализмъ мелкой буржуазіи уже являетъ себя въ соприкосновеніи съ „посторонними элементами“ — нота его звучитъ и въ органѣ г. Струве, и еще больше и типичнѣе онъ слышится въ „Революціонной Россіи“, въ лагерѣ соціалистовъ - революціонеровъ, гдѣ отъ соціализма остались главнымъ образомъ гимны и хоралы — то, что меньше всего страшно буржуазіи. То подернутый земщиной, то мишурно украшенный соціалистической фразой, онъ уже равняетъ себѣ дорогу въ жизнь, и еще нѣсколько взмывовъ народной волны, еще нѣсколько потоковъ безумныхъ репрессалій— и, думается намъ, мелкая буржуазія выступитъ съ радикализмомъ, за свой собственный пай формулирующимъ и словомъ, и борьбой свои собственныя стремленія...

Выступитъ она и какъ нашъ союзникъ въ натискѣ на престолъ самодержавія, выступитъ и какъ нашъ врагъ по ряду пунктовъ, уже указанныхъ и предусмотрѣнныхъ г-номъ Струве, и, вѣроятно, при этомъ безъ всякаго покрова изъ „духа времени“ и „земскихъ традицій“, а съ прямымъ словомъ: сюда тащить, до сего не допущать! Чтожъ, въ качествѣ друзей въ томъ или иномъ отношеніи — милости просимъ; въ качествѣ враговъ — мы будемъ помнить и уже цитированныя нами слова Ледрю-Роллена, и его другія слова изъ того же самаго знаменитаго циркуляра: „лучше имѣть дѣло съ явными противниками, чѣмъ съ сомнительными друзьями“...

Совершитъ ли г. Струве новую эволюцію, отъ умѣренности и аккуратности къ алымъ цвѣтамъ, — покажетъ будущее, но это во всякомъ случаѣ не представляетъ большого интереса : „Освобожденіе“, какъ оно есть, не можетъ имѣть серьезнаго общественнаго значенія, а будущее „Освобожденіе“, если оно не завербуетъ къ себѣ этого г-на Струве, то для него, конечно, найдется другой; о другомъ тогда придется и рѣчь вести.

Какъ бы тамъ ни было, въ какой бы формѣ и откуда бы не исходило враждебное отношеніе къ нашимъ „классовымъ и эгоистическимъ интересамъ“ — мѣры мы уже должны принимать и теперь. Наша литература, наши занятія въ кружкахъ, пропаганда и агитація должны неустанно разъяснять рабочему классу противоположность его классовыхъ интересовъ интересамъ буржуазіи и сообразно съ этимъ крайне существенную разницу въ демократическихъ взглядахъ, въ предѣлахъ и сущности политической борьбы со стороны пролетаріата и радикальнѣйшихъ элементовъ имущихъ классовъ, не говоря ужъ объ умѣренныхъ. Нашей неотступной задачей должно быть выясненіе рабочимъ всей шири политическихъ задачъ, всѣхъ тѣхъ опасностей, какія на пути ихъ борьбы готовятъ имъ „міряне“, желающіе оказаться „правыми“ и „побѣдителями“, имѣющіе претензію списать въ свой балансъ всѣ резуль-

таты „многообразнаго... освободительнаго движенія“. Мы должны и словомъ, и дѣломъ доказать, что во главѣ всякаго движенія становится соціальдемократія.

Не трудно доказать литературнымъ путемъ, что только при ея руководствѣ, при ея рѣшающей мощи пролетаріатъ пожнетъ плоды побѣды. Это уже, можно сказать, даже и не теорема, а аксіома для всякаго понимающаго взаимоотношеніе классовъ съ одной стороны и значеніе сознательности и организованности съ другой. Но утвердить эту аксіому въ литературѣ и утвердить ее въ жизни — къ сожалѣнію, двѣ вещи разныя. Какъ еще далеко мы стоимъ отъ правильнаго и неразрывнаго взаимоотношенія соціальдемократіи и рабочаго класса! Какъ часто наше „руководительство“ является пустымъ звукомъ, насъ возвышающимъ обманомъ! Какъ часто связь его съ массами лежитъ въ одномъ только здоровомъ инстинктѣ послѣднихъ, и больше ни въ чемъ! Надо, чтобы соціальдемократія стала крупной силой жизни путемъ крѣпкой и могучей, всесторонней связи съ рабочимъ классомъ, чтобы онъ придалъ вѣсъ каждому ея требованію, а она внесла въ среду пролетаріата ясное сознаніе этихъ требованій, глубокія убѣжденія, дисциплину и организованность. Это трудно — на этомъ пути сдѣлано еще мало, необходима работа въ десятки, сотни разъ большая. Но мы сможемъ ее выполнить, — прибываютъ все большія и большія волны сознательныхъ рабочихъ, середняки пролетаріата выдвигаютъ изъ себя крупныя агитаторскія, пропагандистскія и организаторскія силы — больше работы въ самой сердцевинѣ рабочаго класса, большій трудъ надъ расширеніемъ нашихъ организацій привлеченіемъ въ нихъ слоя середняковъ, большее вниманіе къ самодѣятельности рабочихъ и развитію въ нихъ иниціативы — и у насъ въ скоромъ же времени будетъ могучая Соціальдемократическая Рабочая Партія. Она станетъ во главѣ революціи, станетъ какъ громадная реальная сила, поднимающая за собою весь рабочій классъ, полный сознанія, вѣрно оцѣнивающій каждое трепетаніе дѣйствительности, всякій шагъ враговъ, всѣ метанія жребія объ иматисмѣ пролетаріата, всю посредническую роль различнаго рода земцевъ между народомъ и правительствомъ, — и побѣда будетъ за нами, революція будетъ наша, намъ достанутся не амнистіи и иллюзіи, а права и свобода!

Л. Надеждинъ.

ИЗДАНІЯ

революціонно - соціалистической группы „СВОБОДА".

---

1) „Свобода", журналъ для рабочихъ № 1.
2) „Свобода" „ „ „ № 2.
3) „Отклики", газета - журналъ № 1.
4) Приложеніе къ № 1 „Откликовъ".
5) Евреи ли наши враги? (отд. отт. изъ № 2 „Свободы").
6) Рабочіе и интеллигенція, (отд. отт. изъ прилож. къ „Откликамъ" № 1.
7) Изъ современной жизни (Тихорѣцкій погромъ и Отъ розги къ желтому билету).
8) Возрожденіе революціонизма въ Россіи, брош.
9) Канунъ революціи, № 1.
10) Положеніе вынуждаетъ? брош.
11) Царское самовластіе въ Россіи. (изъ № 1-го „Свободы").